

Джоан: наследие света

Луция Нэгра

18+

Луция Нэгра

Джоан: наследие света

«Автор»

2026

Нэгра Л.

Джоан: наследие света / Л. Нэгра — «Автор», 2026

Джоан — полицейский, чья жизнь разрушена старым кошмаром: смутные образы, зеркало и кровь родителей. Расследуя новое дело, она натывается на то самое зеркало из детства. Оно затягивает её в мир, где идёт бесконечная война с ордами ночных чудовищ. Единственный шанс вернуться домой — победить в жестоких испытаниях, которые раз в год проводит Королевство Света. Победитель получит доступ к дарам богов. Чтобы выжить среди магов и воинов, Джоан вынуждена заключить сделку с загадочным и опасным Лбтаром. Вместе с другими участниками она проходит сквозь смертельные ловушки и поднимается в небесный город богов. Но чем ближе Джоан к заветной цели, тем яснее становится: за красивой легендой об «Избранном» скрывается кровавая правда. Кто-то из участников — убийца, методично устраняющий конкурентов. А её собственное прошлое оказывается ключом к самой мрачной тайне этого мира.

© Нэгра Л., 2026

© Автор, 2026

Луция Нэгра

Джоан: наследие света

Колючие ветки цеплялись за мою кожу, как колючие пальцы, не желающие отпускать свою добычу. Я пробивалась сквозь чащобу осеннего леса, и каждый хруст веток под ногами отдавался в висках учащенным стуком сердца. Воздух был холодным и влажным, он обжигал легкие, вырываясь клубами пара. Где-то позади, на опушке, застрял мой напарник – его проклятия доносились сквозь рацию, шипевшую и шелкавшую, как разозленная змея. Связь работала через раз, оставляя меня один на один с глухой, давящей тишиной леса.

Впереди, мелькая между оголенных стволов, метался силуэт – тот, кого мы так долго искали. Убийца. Маньяк, чьи жертвы находили в подобных чащобах, изуродованные, с пустыми от ужаса глазами. Сегодня я была приманкой, и он клюнул. И теперь, когда он почти в клетке, древний инстинкт шептал мне бежать, кричал об опасности, но адреналин был сильнее. Он гнал меня вперед, заставляя игнорировать ледящий душу холод и нарастающее чувство неправильности всего происходящего.

Вот он, обессиленный, рванул к темному контуру заброшенной церкви, скрылся в ее зияющем черном провале. Я замедлила шаг, сжимая рукоятку пистолета до побелевших костяшек. Оружие было холодным утешением в этой крошечной тьме. Сумерки осеннего вечера поглотили все краски, мир стал черно-белым и беззвучным.

Я вошла внутрь. Воздух здесь был спертый, пахло пылью, тлением и чем-то еще – сладковатым и гнилостным, как запах старой крови. Я замерла, стараясь не дышать, вслушиваясь в тишину. Ничего. Лишь собственное сердце, отчаянно колотившееся в груди. И тогда я уловила это – едва слышный, на грани восприятия, гул. Он напоминал рой разъяренных насекомых, низкий, вибрационный, исходивший из глубины помещения, оттуда, где когда-то должен был быть алтарь.

Я двинулась на звук, крадучись, как тень, прижимаясь к стенам, покрытым шершавой плесенью. Гул нарастал, заполняя сознание, вытесняя все остальные мысли. Мои руки, исцарапанные до крови колючками, нащупали грубый каменный выступ алтаря. Но звук исходил не от него, а откуда-то позади. В почти полной темноте я протянула ладонь и коснулась чего-то невероятно холодного. Ледяного, как поверхность гроба зимой. Это было не стекло и не металл – поверхность под пальцами была упругой, желеобразной, она словно пульсировала в такт тому гулу.

Глаза постепенно привыкали к мраку, и я начала различать очертания. Огромное, почерневшее от времени зеркало в раме из почерневшего дерева. И в его глубине – не мое отражение, а клубящаяся, живая тьма. Гул превратился в оглушительный рев, наполнивший собой вселенную. Я хотела закричать, отшатнуться, но мое тело не слушалось. Холод, исходивший от зеркала, не просто обжигал – он впивался в плоть, цеплялся за душу.

Меня затягивало. Медленно, неумолимо. Это был не поток воды, а вязкая, удушающая пустота. Я пыталась бороться, но мои движения стали тягучими и бессмысленными.

Последнее, что я успела осознать – ледящий вакуум, сжимающий меня со всех сторон. Сердце перестало стучать. Воздух в легких застыл. Зрение погасло. Остался только всепоглощающий холод и тишина, абсолютная и безжалостная.

***

Я вываливаюсь на холодный каменный пол, ударяясь коленом о шершавую плиту. Боль, острая и реальная, на мгновение перекрывает остальные ощущения. Я лежу, судорожно хватая ртом воздух, и первая мысль – идиотское, детское облегчение: «Жива. Я жива».

Мозг отказывается понимать, что за чертовщина только что произошла. Я отталкиваюсь ладонями от пола, поднимаюсь, озираюсь. И замираю.

Стоп. Что-то не так.

Сквозь проем в потолке пробиваются косые лучи заходящего солнца. Они золотые, густые, пыль в них танцует, как мириады крошечных существ. Но это не те сумерки, что были минуту назад. И это... это не та заброшка.

Я не вижу ни обвалившегося алтаря, ни осыпавшейся штукатурки с ликами святых, ни гигантских паутин в углах. Вместо них – тесные каменные стены, покрытые странными фресками, изображающими то ли звёзды, то ли спирали. Воздух пахнет не плесенью и гнилью, а пылью, сухим песком и чем-то ещё... сладковатым, пряным. Чужим.

Я понимаю, что нахожусь в склепе. Небольшом, каменном мешке. Прямо передо мной – массивная каменная гробница, покрытая теми же непонятными символами. Сердце начинает колотиться с новой силой, уже не от бега, а от нарастающей паники. Я отшатываюсь к тяжелой, дубовой двери, с трудом отвожу ржавый засов и вываливаюсь наружу.

И замираю снова. Словно меня окатили ледяной водой.

Передо мной – не осенний лес. Пустырь. Выжженная, растрескавшаяся земля, уходящая к горизонту, где солнце садится в море зноя. Я стою на кладбище. Но какие это могилы! Странные, угловатые камни, обелиски из чёрного, отполированного песчаника, некоторые увенчаны хрустальными сферами, в которых играют последние лучи. Это место мне незнакомо. Оно чуждо до костей.

И жара... Адская, сухая жара, будто я попала в раскалённую печь. Я срываю с себя тёплую куртку, судорожно засовываю в кобуру пистолет – он кажется тут игрушкой, бесполезным куском металла. Моё сердце стучит где-то в горле.

«Зеркало. Оно должно вернуть меня обратно».

Я разворачиваюсь и бегу обратно в склеп. Оно всё ещё там. Старинное, в полный рост, в причудливой резной раме из тёмного, почти чёрного дерева. Символы на ней кажутся теперь не просто орнаментом – они выглядят как заклинание, как предупреждение. Я смотрю в тёмную гладь, и из мрака медленно проступает отражение. Словно проявляется на старой фотографии. Сначала – лишь силуэт, искажённый дрожанием поверхности, будто я смотрю на себя сквозь толщу воды.

Постепенно черты становятся чётче. Я вижу свою кожаную куртку – короткую, чёрную, потёртую на локтях. Под ней – чёрные обтягивающие брюки, в которых я бежала по осеннему лесу, цепляясь за мокрые ветки. Они испачканы в пыли этого склепа, в моей собственной крови. А волосы... тёмно-русые волосы, что я с таким трудом утром заплела в тугую, практичную косу, теперь выбиваются прядями, прилипая к влажному от пота и слёз виску. Но больше всего я вижу глаза и две родинки под левым глазом. Свои же серые глаза, которые всегда видели лишь логику, факты, улики. Теперь в них – неотфильтрованный, дикий ужас. В них плавают отчаяние, затопившее всё – и профессиональную выучку, и врождённое упрямство. Они смотрят на меня из зеркала, эти глаза, и не верят. Не верят в каменные стены за спиной, в жару пустыни за дверью, в немое, холодное стекло, что отделяет меня от всего, что я называла своей жизнью.

Это моё лицо. Моя куртка. Мои глаза. Но отражение в этом проклятом зеркале – это лицо незнакомки, попавшей в ловушку на краю света.

«Верни меня!» – кричу я мысленно, прижимаясь к нему ладонями, всем телом. Холодное стекло не отвечает. Я вижу свои окровавленные, в царапинах кисти. Отчаянная, иррациональная мысль: может, нужна кровь? Как в тех старых сказках, что читала в детстве?

Я смазываю кровь по древним символам, размазываю её по твёрдой, безжизненной поверхности. «Работай, чёрт тебя дери! Работай!» – шепчу я, сбиваясь на истерику. Но ничего. Ни гула, ни свечения, ни дрожи. Только твёрдая, холодная поверхность, беспощадно отражающая моё отчаяние.

Всё. Тупик. Ловушка.

Я отступаю, готовая закричать, разбить всё вокруг, рухнуть на пол и рыдать. Но в этот миг я замираю, затаив дыхание.

Шорох.

Тихий, едва уловимый. Не снаружи. Он доносится из глубины склепа. Из-за гробницы.

Я медленно оборачиваюсь, и сердце замирает в груди, словно сжатое ледяной рукой. В проеме двери склепа, в рамке из гниющего дерева, застыло существо. Очертаниями оно напоминало человека – две руки, две ноги, прямохождение. Но сходство заканчивалось, едва успев начаться.

Мой взгляд, заточенный годами работы на месте преступлений, с ужасающей четкостью выхватывает детали, от которых кровь стынет в жилах. На его теле – лоскутья какой-то грязной, истлевшей ткани, прилипшие к плоти. А там, где ткани нет... там нет и кожи. Обнаженные мышцы, темные и иссохшие, обтягивают кости, покрытые склизким налетом гнили и запекшейся крови. Отвратительный сладковато-медный запах бьет в нос, сильнее, чем в самом скосневшем морге.

Я всматриваюсь в его лицо – нет, в его морду. Это не лицо. Это окровавленный оскал. Кожа на черепе местами отсутствует, обнажая желтоватую кость, из-под которой кое-где торчат грязные, слипшиеся пряди волос. Глаза, налитые свежей кровью, бессмысленно и голодно смотрят на меня. Но самое ужасное – челюсть. Нижняя часть лица лишена плоти, обнажая длинные, неестественно желтые клыки, с которых стекает густая, тягучая слюна.

Проходит всего доля секунды. В его кровавых глазах вспыхивает примитивная, хищная искра. Он решает броситься на меня.

Адреналин, знакомый и все же каждый раз новый, резко вбрасывается в кровь, заставляя мир замедлиться. Движения становятся резкими, точными. Я не думаю, я действую. Рука сама тянется к кобуре, пальцы находят рукоятку пистолета. Холод металла – единственное, что кажется реальным.

Выстрел грохает в каменных стенах склепа, оглушительно громко. Пуля попадает существу в центр массы, сбивая его с ног. Оно падает, издавая хриплый, булькающий звук.

Я не жду. Я выбегаю из склепа, и тут же на меня обрушивается хор таких же хрипов, шипений и скрежета. Я оглядываюсь, и мое дыхание перехватывает. Позади – огромные, почти черные скалы, уходящие в небо. Слева и справа – бескрайняя, выжженная пустошь, уходящая в багровеющий от заката горизонт. И только впереди, на расстоянии, которое кажется одновременно и близким, и бесконечно далеким, высятся очертания крепости. Массивные стены, башни – островок возможного спасения в этом море ужаса.

И тут я вижу это. Тот, в кого я стреляла, тот, что должен был быть мертв, шевелится. Его костлявые пальцы впиваются в каменный косяк, и он с нечеловеческим усилием начинает подниматься. Мое сердце бешено колотится, готовое выпрыгнуть из груди. Пуля не убила его. Только остановила.

Я на кладбище. Я в аду. И эти твари... они не умрут. Они будут подниматься снова и снова, если я не уйду отсюда.

«Беги!» – кричит во мне инстинкт, заглушая голос разума. Я срываюсь с места, бегу по иссохшей земле, перепрыгивая через опрокинутые надгробия.

Из-за одной из гробниц, с истошным визгом, выскакивает второй мертвец. Я не останавливаюсь. На бегу разворачиваюсь, почти не целясь, и жму на спуск. Второй выстрел. Второе падение. Но я уже знаю – это ненадолго.

Первый монстр уже выбрался из склепа, его кровавый взгляд прикован ко мне. Солнце, как алая капля, почти коснулось горизонта. Багровые сумерки сгущаются, и с ними приходит новый, леденящий душу страх – что будет, когда ночь окончательно падет на эту пустошь?

Я собираю все свои силы, каждую каплю воли, каждый остаток мускульной энергии. Я бегу. Бегу к далеким стенам, не зная, хватит ли мне дыхания, хватит ли мне скорости, хватит ли мне удачи, чтобы добежать.

Я мчусь по выжженной земле, каждый вздох – огненный кинжал в груди. Позади – кладбище, этот рассадник кошмаров, уже скрылось в багровеющих сумерках. Оборачиваюсь на бегу: первый мертвец, тот, из склепа, всё ещё плетётся далеко позади, его уродливая фигура медленно удаляется. На мгновение я позволяю себе выдохнуть – хоть что-то идёт не по худшему сценарию.

Но этот мир не устаёт подкидывать сюрпризы. Сбоку, из-за груды почерневших камней, появляется третий. Он не такой потрепанный, как предыдущие. Его движения резвее, целенаправленнее. Он не ковыляет – он бежит. И бежит прямо на меня, с той же скоростью, что и я.

Паника, холодная и липкая, сжимает горло. Мои легкие горят, ноги тяжелеют с каждой секундой. Он приближается. Я останавливаюсь, разворачиваюсь, едва удерживая равновесие. Рука сама тянется к пистолету. Первый выстрел. Попадание в грудь. Он лишь спотыкается, замедляется на шаг. Его стеклянные, мутные глаза даже не моргают. Он делает следующий шаг.

Я прицеливаюсь. Тщательно, как учили на курсах. В голову. Второй выстрел. Громкий, сухой хлопок. Его голова отскакивает назад, и он падает на раскалённую землю, замерший в неестественной позе.

И тут до меня доходит. Я механически нажимаю на спуск ещё раз. Тишина. Пустой щелчок. Пуль не осталось. Совсем.

Я снова окидываю взглядом кладбище. Оттуда, из-под камней, из-за гробниц, выползают новые фигуры. Десятки. Они ещё далеко, но их движение неотвратимо, как прилив. Они все идут сюда. На меня.

Паника, которую я сдерживала, прорывается наружу, сметая всё на своём пути. Я выкидываю бесполезный кусок металла и кобуру и бросаюсь вперёд, к крепости, выжимая из своих ног всё, на что они способны.

«Боже, – стучит в висках, – как же она далеко».

Два километра? Три? В этом аду расстояния теряют смысл. Я сбавляю темп, пытаюсь экономить силы. Дыхание сбито, сердце колотится где-то в горле. Я прислушиваюсь. Сзади доносятся те самые неестественные звуки – хриплое посвистывание, скрежет когтей по камню, приглушённые рыки. Я оборачиваюсь.

И с огромным, почти болезненным облегчением замечаю, что они не бегут. Они движутся медленно, нестройной, но неумолимой толпой. Как сомнамбулы. Как приливная волна из плоти и костей. Расстояние между нами пока увеличивается.

У меня появляется крошечная, хрупкая надежда. Я за неё цепляюсь, как утопающий за соломинку. Может быть, я успею. Может быть, ворота крепости открыты. Может быть, там, за этими стенами, я найду спасение. Хотя бы на время.

Я перехожу на бег трусцой, пытаюсь выровнять дыхание, найти тот ритм, который позволит не свалиться замертво. Паника отступает, превращаясь в фоновый гулкий страх, сверлящий сознание. Но он никуда не делся. Он притаился.

Я бегу, постоянно поворачивая голову. Налево – бескрайняя пустошь, направо – такие же безжизненные просторы. Скалы и кладбище давно позади, превратились в тёмные пятна на горизонте. Похоже, вся эта нечисть выползла именно оттуда – из-под камней и из-под земли.

До крепости, по моим прикидкам, остаётся ещё километр. Может, чуть меньше. Я снова оглядываюсь на своих преследователей. Их несколько десятков. Точную цифру в полумраке не разобрать, но их много. Достаточно, чтобы разорвать меня в клочья, если я оступлюсь.

Я заставляю себя держать один и тот же темп. Ровный. Экономичный. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Я считаю шаги, лишь бы не слышать нарастающий гул приближающейся смерти. Я бегу к единственному огоньку в этом сгущающемся мраке. Я бегу к крепости.

Наконец-то крепость приблизилась. Её стены, казавшиеся издали игрушечными, теперь вздымались достаточно высоко, массивные и непоколебимые, словно часть самого мира. Изможденные ноги гудят от боли, каждый шаг даётся с трудом. В голове стучит только одно: адреналин и остатки животного ужаса.

Вблизи крепость оказалась колоссальной. Даже не видно, что находится за её стенами – только серая, непреступная твердыня со всех сторон. Возле полузакрытых ворот я замечаю нескольких людей. Увидев меня, они замирают, а затем начинают что-то кричать, размахивая руками. На стене я различаю несколько фигур стражников в сияющих доспехах и одну – поодаль, в тёмной, незнакомой форме. Он стоит так неподвижно, что его можно принять за статую, если бы не чувствовался на себе его тяжёлый, изучающий взгляд, будто наблюдающий за разворачивающимся спектаклем: бегущая девушка и её «поклонники» из мира кошмаров.

Собирая последние силы, я ускоряюсь. Стражники у ворот жестами показывают мне прорываться внутрь, и едва я переступаю порог, массивные створки с грохотом начинают закрываться. Один из стражников, с обветренным лицом и усталыми глазами, подходит ко мне:

– Ты на Игры?

Голова гудит, мысли путаются. Нужно сказать что-то, что не вызовет подозрений, иначе меня вышвырнут обратно, на растерзание этой нежити.

– Да, – выдыхаю я, едва переводя дух.

– Хорошо, проходи в Девятую башню, там тебя оформят, – бросает мне стражник и тут же теряет ко мне всякий интерес, развернувшись к воротам.

Я оборачиваюсь и вижу всю картину воочию. За тяжёлыми створками к стене подступает волна мертвецов. Они издают неистовые, булькающие звуки, полные ненависти и голода. Некоторые твари уже добрались и царапают камни стен костлявыми пальцами.

Я стою в оцепенении, с открытым от ужаса ртом, хотя понимаю, что сейчас в безопасности.

Тот же стражник, не отрывая взгляда от ворот, рывкает через плечо:

– Уходи, девчонка! Или тебе Проводник нужен?

– Я провожу.

Рядом возникает высокий мужчина. Стройный, весь в чёрном, с коротко подстриженными тёмными волосами. Его лицо было бы приятным, не будь оно высечено из льда. Холодный, пронзительный взгляд и неестественная неподвижность. Он смотрит на стражника с таким безразличием и внутренним превосходством, что тот, не сказав ни слова, отворачивается и отдаёт приказы.

Я снова оглядываюсь на разворачивающийся за воротами ужас. Мертвецы, будто обезумевшие, пытаются взобраться на стену, их движения отчаянны и беспомощны одновременно.

– Уходим, – произносит незнакомец тем же ледяным, безжизненным голосом. Он окидывает меня оценивающим взглядом сверху вниз и, не дожидаясь ответа, разворачивается и направляется прочь от ворот.

Инстинктивно я поднимаю голову туда, где на стене стоит та самая неподвижная фигура. Её там нет. Я перевожу взгляд на удаляющегося незнакомца и холодею. Как он мог за считанные секунды оказаться здесь, у ворот, проделав путь, на который ушло бы несколько минут? Это невозможно. Но в этом мире, похоже, невозможное это норма.

Я двигаюсь за незнакомцем, стараясь не отставать, но мой взгляд жадно хватается каждую деталь этого невероятного места. Крепость внутри оказалась не просто укреплением, а целым городом, высеченным из света и тени.

Светлые стены, сложенные из гигантских блоков песчаника, уходят конусом от ворот, расширяясь по мере нашего продвижения внутрь, словно раскрывая передо мной слои гигантской, незнакомой ракушки. Сначала мы выходим на мощёную площадь, поражающую своими размерами. С одной стороны теснятся низкие, приземистые дома-конторы, склады и лавки, все из той же светлой, теплой на вид кладки. Возле них стоят грузовые повозки с высокими бортами, запряженные незнакомыми мне выючными животными, похожими на лошадей, но более мускулистыми и с роговыми наростами на мордах. Воздух здесь густой и пыльный, пахнет кожей, зерном и потом.

Пройдя дальше, мы оказываемся на второй площади, просторнее первой. В её центре бьет огромный фонтан, сложенный из того же песчаника. Вода струится по сложным узорам, но не в чашу, а в систему каналов, опоясывавших площадь. За фонтаном начинается уличный рынок, теперь пустой и безмолвный. Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и на смену дневному зною приходит прохлада ночи. Прилавки убраны, навесы свернуты, лишь ветер гоняет по мостовой клочья бумаги и шелуху.

За рынком, расходясь веером по правую и левую сторону, уходят улицы, застроенные зданиями причудливой, почти сюрреалистической архитектуры. Храмы с зиккуратами, увенчанными не крестами, а хрустальными сферами; торговые дома с фасадами, изогнутыми волнами; жилые постройки, напоминающие пчелиные соты. Все они выдержаны в палитре от теплого охристого до ослепительно белого, и между ними, словно забытые кем-то гигантские перья, росли стройные пальмы, чьи кроны шелестели высоко над головой.

Мы сворачиваем на широкий бульвар, мощёный отполированным до блеска камнем. Он плавно поднимается вверх, и в его конце, на возвышении, выпится замок. Не просто крепость, а настоящий дворец с несколькими устремленными в небо башнями, остроконечными шпилями и ажурными галереями. И он тоже белый, сияющий в сгущающихся сумерках, как мираж.

На улице окончательно стемнело, но город не погружается во тьму. Его освещают странные конструкции: по периметру крепости и вдоль главных улиц стоят невысокие каменные тумбы, на вершинах которых покоятся прозрачные сферы. Внутри них клубятся и пульсируют сгустки мягкого, живого света – золотистого, голубоватого, изумрудного. Это определенно не электричество; свет дышит, живёт своей собственной, магической жизнью. Вдоль стен домов развешаны такие же, но меньшего размера, светящиеся шарики, а кое-где всё ещё трепещут языки пламени в обычных железных факелах, напоминая о более примитивных технологиях.

По мере нашего движения город расходится на более узкие улочки с жилыми домами, многие из которых украшены причудливыми башенками, стрельчатыми окнами и витыми балконами. Здесь жизнь бьет ключом, несмотря на ночь. Свет из распахнутых дверей таверн и ресторанчиков выплескивается на мостовую, смешиваясь с мерцанием магических сфер. На импровизированных сценах выступают менестрели, наигрывая на незнакомых струнных инструментах мелодии, то тревожные, то пленительные. Люди сидят за столиками, и я впервые могу рассмотреть их получше.

Женщины в основном смуглые, с длинными, чаще всего черными волосами, собранными в сложные прически – в одну толстую косу, в несколько переплетающихся жгутов, у некоторых в волосы вплетены тонкие цепочки с мелкими кристаллами. Одежды поражают разнообразием: кто-то носит длинные платья свободного, струящегося покроя из легких тканей, расшитые замысловатыми узорами; другие – практичные мантии, наброшенные поверх обтягивающих кожаных комбинезонов, украшенных металлическими пластинами.

Я замечаю и таких, кто одет почти как я – в плотные, практичные брюки и кожаные куртки или жилетки, их волосы коротко острижены или убраны в строгие хвосты. В их взглядах

читается не праздность, а собранность, готовность. Возможно, такие же, как я, участники этих загадочных Игр.

Мой проводник, не оглядываясь, продолжает идти своим мерным, неспешным шагом, и я, погружённая в водоворот новых впечатлений, следую за ним, чувствуя себя крошечной частичкой в этом огромном, незнакомом и пугающе прекрасном мире.

Изучив вдоволь причудливую архитектуру и пеструю толпу, я перевожу взгляд на своего молчаливого спутника. Каждый его шаг отточенный и беззвучный, словно он не просто идет, а скользит над землей. Мой аналитический ум, заточенный на оценку угроз, жадно выхватывает детали. Его черные волосы подстрижены с безупречной, почти машинной точностью. Куртка, казавшаяся сначала просто черной, при свете магических сфер отликает глубоким изумрудом и сшита так безупречно, что кажется второй кожей. Брюки из плотной, матовой ткани идеально сидят на его стройных, но явно сильных ногах. По едва уловимым выпуклостям по бокам я угадываю скрытое оружие – скорее всего, ножи. В каждом его движении читается сдержанная, нарабатанная мощь, сила хищника, который не тратит энергию понапрасну.

Я так увлеклась этим изучением, что не заметила, как он замедлил шаг и обернулся. Его серые глаза, холодные и ясные, как озерная гладь в пасмурный день, встречаются с моими. В них нет ни любопытства, ни раздражения – лишь плоское, безразличное сканирование. Он изучает меня с той же методичностью, с какой я – его.

Не отводя взгляда, я спокойно выдерживаю его взгляд, делая вид, что моё внимание к его заду было совершенно случайным.

– Откуда ты? Как оказалась здесь? – его голос низкий и ровный. Это не вопрос, но в его тоне сквозит такая непререкаемая властность, что даже мысль соврать кажется кощунственной. Его взгляд как будто проникает прямо в мозг, вынуждая к правде.

«Здесь люди явно необычные», – промелькивает у меня. В этом мире иллюзий скрываться бессмысленно. И если он участник Игр, возможно, в нём стоит увидеть союзника.

– Я оказалась здесь через зеркало. В склепе, что в той пустоши. Я совсем не отсюда, – выдыхаю я, следя за его реакцией. – Ты знаешь, как его использовать? Как мне вернуться?

Я вглядываюсь в его лицо – красивое, с резкими, идеально прочерченными линиями, но абсолютно непроницаемое. Ни один мускул не дрогает. Однако он задумался. Отводит взгляд на мгновение, и лишь потом возвращает его ко мне.

– Нужна магия. И заклинание, – он выбрасывает эти слова с таким видом, будто сообщает, что трава зеленая, а вода мокрая. Словно этих двух слов должно быть достаточно для полного понимания.

Во мне что-то закипает. Его высокомерность действует на нервы.

– У тебя есть магия? – спрашиваю я, стараясь, чтобы в голосе не дрогнула надежда.

Он медленно, с явным пренебрежением, скользит взглядом по мне с ног до головы, будто оценивая бесполезный хлам.

– И что? – бросает он уже не глядя, словно я исчерпала лимит его внимания.

– Ты мог бы меня вернуть домой? – я собираю всю свою выдержку, вкладывая в вопрос всю оставшуюся надежду. Мольба. Я ненавижу себя за это.

– У тебя её нет, значит, нет... – он произносит это с ледяной окончательностью. – И я не знаю заклинаний.

«Что? Значит, нет...» – эхом отзывается у меня в голове. Слишком важная птица, чтобы утруждать себя просьбами случайной попутчицы. Я сглатываю ком отчаяния, чувствуя, как щёки начинают гореть.

– Участвуй в Играх, и победи... – его голос, холодный и резкий, пререзает мои уничтожительные мысли. – Победитель может получить любой дар или ответ на вопрос. Это твой шанс, детка.

«Детка». Это слово, произнесенное с такой ядовитой снисходительностью, становится последней каплей. Все мое подавленное возмущение, страх и отчаяние прорываются наружу.

– Меня зовут Джоан! – говорю я, и мой голос звучит резче и громче, чем я планировала. – И извольте обращаться ко мне Джоан!

Он резко останавливается и медленно, очень медленно поворачивается ко мне. Его рост внезапно кажется мне подавляющим.

– Мы пришли уже... ДЖОАН, – он произносит мое имя нарочито медленно, растягивая звуки, и в его интонации проскальзывает та самая, неуловимая ранее эмоция. Не пренебрежение. Нечто большее – презрение. Как хищник, который снисходит до того, чтобы удостоить жертву именем перед тем, как вонзить клыки. Да. Именно так. С этим типом нужно держаться как можно дальше.

Мы останавливаемся у входа в комплекс, напоминающий уменьшенную копию самой крепости, но сложенную из более темного, почти черного камня. Грубая кладка поглощает свет, делая здания мрачными и неприступными. Прямо передо мной раскидывается просторный внутренний двор, вымощенный тем же бурным камнем. Слева высится приземистое, но массивное здание, напоминающее маленький замок, от которого тянутся арочные переходы к высоким, узким башням по правую сторону. Между ними зияет огромная площадка, густо усыпанная желтым песком, явно предназначенная для тренировок. В тусклом свете магических сфер, закрепленных на столбах по периметру, несколько фигур – парней и девушек – с сосредоточенными лицами и залитыми потом спинами отрабатывают удары по тяжелым кожаным грушам. Воздух здесь густой, пропитанный запахом пота, раскаленного песка и железа – совсем не такой, как на праздничных улицах.

Мой спутник без единого слова направляется к ближайшей башне. Я следую за ним, чувствуя, как сердце учащенно бьется в груди. Внутри башни царит полумрак, пахнет старым деревом, воском и сушеными травами. За простым деревянным столом у стены сидит женщина в возрасте. Ее седые волосы убраны в тугой пучок, а на ней – строгий костюм из плотной клетчатой ткани: практичная жилетка и длинная, до пола, юбка. Ее взгляд, острый и всевидящий, скользит по нам, а тонкие пальцы с длинным гусиным пером замирают над развернутой толстой книгой.

– Имя? – ее голос сухой и безразличный, похож на скрип пергамента.

– Джоан... Джоан Арден... – выдыхаю я, чувствуя, как предательски дрожит голос. Ладони становятся влажными. Правильно ли я поступаю? Что ждет меня за этой регистрацией?

Женщина выводит мое имя каллиграфическим почерком, но затем снова поднимает на меня взгляд – на этот раз оценивающий и требовательный:

– Откуда?

Откуда я? Я замираю, не зная, что ответить.

– С Прибрежья, – ровно, без тени эмоций, произносит мой спутник, стоящий чуть позади.

По моей спине пробегает ледяной холодок. Зачем он это делает? Почему помогает? Что этому холодному, высокомерному человеку от меня нужно? Я ловлю себя на мысли – а что он вообще может от меня хотеть? Я абсолютно уязвима, беспомощна в этом мире. Я не представляю для него угрозы, не обладаю магией, не имею связей. Я – никто. И этого «никто» он почему-то решил вписать в свои планы.

Женщина коротко кивает, больше не задавая вопросов, и протягивает мне тяжелый железный ключ с замысловатой резной ручкой.

Мы начинаем подниматься по крутой, узкой каменной лестнице, уходящей вверх, в сумрак. Тишина между нами густая, неловкая. Несмотря на страх и подозрения, kloкочущие внутри, я решаю играть в благодарность.

– Спасибо, мистер Незнакомец, – произношу я, заставляя свои губы растянуться в натянутую, неестественную улыбку. Стараюсь, чтобы голос звучал легко и благодарно, но внутри все сжимается в тугую, тревожный комок.

Он останавливается на ступеньке выше и медленно, очень медленно поворачивается ко мне. Его взгляд, всегда такой отстраненный и холодный, теперь прикован ко мне с новой, пугающей интенсивностью.

– Лбтар, – поправляет он меня, и его имя на его устах звучит как тихое, угрожающее шипение. Он смотрит на меня, и я замечаю, как что-то в его лице меняется. Напряженность в уголках рта смягчается, а в глубине серых глаз, кажется, разгорается крошечная искра. Но это не тепло. Это интерес хищника, учувшего необычную добычу.

И вдруг я чувствую это – странное, вязкое давление на сознание. Теплая, тяжелая волна накатывает на мой разум, приглушая тревогу, страх, самую способность мыслить. Я вижу, как его зрачки расширяются, поглощая радужку, превращаясь в бездонные черные колодцы, в которые тянет заглянуть, утонуть... Его губы трогает едва заметная, уверенная улыбка.

– Ты хочешь не просто поблагодарить, – его голос становится тише, бархатным, проникающим прямо в душу. – Ты хочешь меня поцеловать.

Он наклоняется. Его лицо приближается к моему, и я не могу пошевелиться, не могу отшатнуться. Тело немеет, разум плывет в этом сладком, одурманивающем тумане. Я тону в его глазах, в этой опасной, манящей бездне. Его дыхание касается моих губ...

И в этот миг из самых глубин моего существа, из того места, где живет инстинкт самосохранения, вырывается спазм ярости. Осознание того, что мной пытаются управлять, что мою волю пытаются сломать, становится тем ледяным ударом, что разбивает чары. Я резко, со всей силы, на которую только способна, бью его по лицу.

Глухой хлопок ладони о щеку оглушительно громко разносится в каменной тишине лестницы.

Лбтар медленно, очень медленно отстраняется. Он даже не пошатнулся. Кажется, я не ударила его, а лишь нежно провела рукой по щеке. Но моя собственная ладонь горит огнем, а костяшки ноют от боли.

Я отпрыгиваю от него, сердце выскакивает из груди, а в глазах стоит бешеная, животная ярость.

Он смотрит на меня. Сначала в его взгляде вспыхивает чистая, нескрываемая ненависть. Быстрый, как удар кинжала, взгляд, обещающий страшную месть. Но почти мгновенно эта эмоция сменяется другой. В его глазах мелькает удивление. Глубокое, неподдельное изумление. А затем – проблеск уважения. Тонкий, как лезвие бритвы, но заметный. Намек на то, что я – не пустое место. Что я только что доказала, что представляю из себя нечто большее, чем просто испуганная девчонка из другого мира.

Он медленно проводит языком по внутренней стороне щеки, будто пробуя на вкус собственную кровь.

– До завтра, Джоан, – выдыхает он. Эти слова звучат не как прощание, а как обещание. Как клятва, произнесенная сквозь стиснутые зубы, в которой смешались ненависть и зарождающееся любопытство.

Мое сердце бешено колотится, отдаваясь в висках оглушительным стуком. Я стою, прильнув к холодной каменной стене, и смотрю, как он поднимается выше по лестнице, его темный силуэт растворяется в тенях следующего этажа. Оставшись одна, я наконец позволяю себе дрожать, осознавая, что только что вступила в опасную игру, правил которой не знаю, а мой противник оказался куда более страшным, чем орды мертвецов за стенами.

Я поворачиваю тяжелый железный ключ в замке, и деревянная дверь с тихим скрипом подается внутрь. Передо мной открывается крошечное помещение, и меня охватывает стран-

ное чувство – смесь разочарования и облегчения. Конечно, это не хоромы. Временным обитателям, вроде меня, видимо, полагается самый скромный приют.

Комната совсем маленькая, словно келья. Вдоль дальней стены встроена узкая кровать с тонким матрасом и одним свернутым одеялом. Высоко на стене, на половине высоты комнаты, зияет небольшое окошко с грубыми деревянными створками, через которое льется бледный свет ночных светильников крепости.

В углу, прямо у двери, я замечаю душевую – небольшое пространство, огороженное потертой занавеской из плотной ткани. Рядом, прямо в каменной кладке стены, выдолблено углубление, напоминающее унитаз, с едва уловимым стоком вниз. Примитивно, но функционально.

Я подхожу к небольшому деревянному шкафу, стоящему у кровати. Открываю его. Внутри аккуратно сложены несколько грубоватых, но чистых полотенец. На полке внизу стоят полуботинки – легкие, на гибкой подошве, разных размеров. Я нахожу свою пару.

На вешалках висят несколько комплектов одежды. Один тип костюмов состоит из маек и брюк, сшитых из тонкого, но невероятно плотного материала. На ощупь он прохладный, эластичный, приятно облегает пальцы. Одни костюмы – почти белого цвета, но с легким перламутровым отливом, словно внутреннее свечение. Другие – темные, как черный жемчуг, с таинственными переливами глубокого индиго, появляющимися при движении ткани.

Я выбираю темный вариант. Цвет напоминает мне ночное небо этого мира – тревожный, но скрывающий. Нахожу свой размер и, взяв комплект, направляюсь за занавеску.

В душевой я с удивлением обнаруживаю не примитивную лейку, а систему труб, опоясывающих пространство сверху. Нахожу бронзовый рычаг и осторожно поворачиваю его. Раздается легкий шипящий звук, и из множества мелких отверстий в трубах с приличным напором устремляются струи воды. Она чистая, прохладная, смывает с кожи пыль, пот и кровь пустоши, принося долгожданное ощущение свежести.

Затем я осматриваю небольшую полочку. С радостью обнаруживаю там предмет, отдаленно напоминающий зубную щетку, хоть и сделанный из какого-то гибкого полированного дерева и щетины неизвестного происхождения. Рядом стоят несколько глиняных баночек. Открываю одну – внутри густая пастообразная субстанция с терпким, мятно-травяным ароматом. Это явно аналог зубной пасты.

Тщательно чищу зубы, чувствуя странную, но приятную свежесть. Эта простая, привычная процедура вдруг становится актом надежды. «Хоть зубы свои сохраню, – с горькой иронией думаю я, – и вернусь домой не беззубой. Если вернусь...»

Мысль повисает в воздухе, тяжелая и неотвратимая. Я выплевываю воду и поднимаю взгляд на маленькое окошко, за которым лежит чужой, полный опасностей мир. Эта комната – лишь временное убежище, короткая передышка перед бурей, что ждет меня завтра.

Я продолжаю сидеть на жестком краю кровати, уткнувшись лбом в прохладное стекло маленького окна. Сон безнадежно бежит от меня, словно испуганный зверек. В голове настоящий аншлаг – десятки вопросов кричат друг на друга, не давая ни на чем сосредоточиться.

За окном – ночное небо, усыпанное звездами. Оно почти такое же, как дома... Почти. Одни и те же созвездия? Или здесь они складываются в иные узоры? Этот вопрос гложет меня особенно сильно. Я на другой планете, затерянной где-то в космосе? Или это параллельный мир, существующий бок о бок с моим, за тонкой завесой, которую мне удалось прорвать? Мысли крутятся по одному и тому же мучительному кругу, не находя выхода.

Внизу, в отдалении, движутся крошечные огоньки. Это стражи с факелами неспешно обходят стены крепости. Их маршрут отработан до автоматизма. Неужели так происходит каждую ночь? Неужели все эти люди – жители огромного, казалось бы, безопасного города – засыпают и просыпаются с этим постоянным, фоновым страхом? С знанием, что за стенами рыщет

нечто, что в любой момент может попытаться прорваться внутрь? Жить в таком вечном напряжении... Я содрогаюсь.

Нужно спать. Силы понадобятся. Завтра предстоит выяснить, что это за «Игры», какие испытания ждут и, самое главное, как мне, лишенной магии, пройти их и победить. Эта мысль кажется безумной, почти смешной. Но я цепляюсь за нее, как утопающий за соломинку. Я не собираюсь здесь застревать. Ни за что.

—

Сон был коротким и тревожным. Я просыпаюсь от резкого, пронзительного звука – не колокола, а скорее металлического гула, вибрирующего в костях. Сигнал.

Сердце тут же начинает отчаянно колотиться. Я быстро, почти автоматически, облачаюсь в темный, переливающийся костюм, поправляю волосы и выскальзываю из комнаты. В коридоре уже движение – другие юноши и девушки, такие же сонные и сосредоточенные, спешат к лестнице. Я растворяюсь в их потоке, следуя вниз.

Мы выходим на ту самую песчаную площадку между башнями. Солнце уже поднялось достаточно высоко и светит с незнакомой, почти жестокой интенсивностью. По моим внутренним часам еще очень рано, но здесь день вступает в свои права без всяких нежностей.

Я останавливаюсь на краю, окидывая взглядом собравшихся. Две сотни человек, наверное. Все в одинаковых формах – кто-то в сияющих белых, кто-то, как и я, в глубоких темных. Воздух гудит от приглушенных разговоров, нервного смеха, звенящей тишины некоторых. Все они выглядят молодыми, сильными, собранными. И у каждого, я чувствую это кожей, есть та самая магия, которой мне так отчаянно не хватает.

В горле комом встает горький вопрос: «Как? Как я, совершенно пустая, могу соревноваться с ними?» Это самоубийство. Чистой воды безумие.

Инстинктивно я начинаю искать в толпе один конкретный силуэт. Высокий, стройный, в черном. Лотара нигде не видно. Но он же здесь, в этой башне. Значит, он участник. Раздражение, острое и колючее, пробивается сквозь страх. И где же этот надутый тип? Его высочество не считает нужным являться по первому зову? Спит красавчик, пока другие собираются на заклятие?

Я стискиваю зубы, чувствуя, как знакомое упрямство начинает разогревать кровь. Ну что ж. Посмотрим, кто кого.

Я замечаю движение у края площадки – несколько участников подходят к небольшому каменному фонтанчику, встроенному в стену одной из башен. Они умывают запыленные лица и с жадностью пьют воду, струящуюся из медного жерла. В горле у меня пересохло, жажда напоминает о себе. Я встаю в короткую очередь, чувствуя, как каждую секунду ожидания обезвоживание усиливается. Наконец, подставив ладони, я с наслаждением ощущаю прохладу воды, умываюсь, а затем пью долго и жадно, пока живот не наполняется приятной тяжестью. Эта простая вода кажется мне сейчас лучшим нектаром.

В этот момент к собравшейся толпе подходит мужчина лет сорока. Его фигура подчеркнута атлетична, движения резкие и экономичные. На нем – такая же спортивная форма, но по крою и качеству ткани видно, что она не нашего, «казарменного» уровня. Его лицо покрыто сетью мелких морщин, а взгляд – острый, как у хищной птицы, – скользит по нам, без слов оценивая и сортируя. Сомнений нет – это наш куратор, наставник или, возможно, тюремщик на эти утренние часы.

Он что-то коротко кричит – его голос громкий, привыкший перекрывать шум и расстояние, – разворачивается и, не оглядываясь, начинает быстрым шагом удаляться от башен. Толпа, как стадо, инстинктивно движется за ним. Я, еще не до конца придя в себя после воды,вливаюсь в общий поток.

Мы идем быстрым шагом по мощеным улицам, которые вчера еще были полны веселящихся людей. Сейчас они пустынные и безмолвны. Минут через семь мы проходим через вторые, внутренние ворота, а затем оказываемся за стенами города.

Перед нами расстилается та самая выжженная пустошь, по которой я бежала. Утреннее солнце, еще не набравшее свою полную, убийственную силу, уже безжалостно палит макушку и плечи. Воздух дрожит от начинающегося зноя.

Куратор останавливается, поворачивается к нам и, сложив руки рупором, кричит четко и ясно, чтобы слышали все:

– До реки и обратно! Кто не добежит – не ест до вечера! Считаю, что это более чем гуманно!

Река? Я инстинктивно поворачиваю голову, вглядываясь в даль. Там, на горизонте, едва угадывается тонкая, сверкающая на солнце полоска. Это километров пять в одну сторону, если не больше. «Неплохо так с утра побегать», – с горькой иронией думаю я. Но не под этим палящим солнцем и не на такой дистанции.

Свист или другой сигнал – я не успеваю понять, – и толпа срывается с места. Первые десятки участников, самые сильные и уверенные, устремляются вперед, как стая гончих. Я же, оценив свои силы и дистанцию, с самого начала выбираю самый медленный темп. Экономия – мой единственный козырь.

Минут десять я просто бегу, привыкая к жаре, к неровной, колющей ступни земле, к собственному дыханию. Я наблюдаю за другими. Кто-то, слишком рванувший с начала, уже сбавил скорость, идет, тяжело дыша, а кто-то и вовсе остановился, опершись о колени. Другая группа, та, что была впереди, уже превратилась в удаляющиеся точки на раскаленном горизонте.

Только теперь, когда тело более-менее разогрелось, а дыхание вошло в ритм, я позволяю себе чуть ускориться, находя тот оптимальный темп, который я смогу поддерживать долго. Чтобы отвлечься от нарастающей усталости, от жжения в легких и ноющей боли в ногах, я пытаюсь думать. И мои мысли неожиданно возвращаются к прошлой ночи.

Почему мне не приснился кошмар? Тот самый, из которого я обычно просыпаюсь в холодном поту, с криком, застрявшим в горле. Смерть родителей. Странно, но я никогда не вижу ее в деталях. Нет четкой картины, нет лиц убийц. Лишь размытые, обрывочные кадры: вспышка криков, отблеск на чем-то темном и мокром, чья-то тень, падающая на меня. И главное – всепоглощающее, абсолютное ощущение ужаса, ледящего душу. Само чувство происходящей катастрофы. Мозг отказывается показывать картинку, но зато в точности воспроизводит эмоцию. И этой ночью... ничего. Лишь тревожная, тягучая пустота.

Наконец, когда мои ноги уже начинают гудеть от монотонного бега, а в горле снова стоит ком сухости, впереди появляется та самая река. Она возникает не как широкий водный поток, а скорее как темная, блестящая лента, врезающаяся в выжженную землю. Вода в ней не голубая и не прозрачная, а темная, почти черная, и она несется с неестественной, пугающей скоростью, словно куда-то очень торопится. Бурлящие струи и водовороты выдают мощное подводное течение, способное, кажется, утащить на дно даже сильного пловца.

Я останавливаюсь на самом берегу, едва переводя дыхание. Здесь уже собралась небольшая группа участников, которые, как и я, выбрали тактику экономии сил. Они умывают запыленные лица, с наслаждением плескаясь в прохладной воде. Я с трудом, чтобы не потерять равновесие, набираю в сложенные лодочкой ладони темной воды. Она ледяная, почти обжигает кожу. Я с наслаждением умываюсь, смывая пот и пыль, чувствуя, как живительная прохлада разливается по лицу. Потом делаю еще несколько глотков – вода на вкус странная, с легким металлическим привкусом, но она утоляет жажду.

– Ты новенькая? Я тебя не видел с начала недели, – раздается голос справа.

Я поворачиваю голову. Рядом умывается парень, мой ровесник. У него открытое, дружелюбное лицо и мокрые от воды волосы цвета золотистой меди, которые прилипли ко лбу. Он смотрит на меня с искренним любопытством и улыбается.

– Да, я вчера только... поступила, – отвечаю я, чувствуя, как сама невольно отвечаю на его улыбку робкой, но настоящей улыбкой. После ледяной вежливости Лотара это простое человеческое участие кажется глотком свежего воздуха. Не в силах придумать ничего большего, я делаю вид, что спешу, и разворачиваюсь, чтобы бежать обратно к далекой, но желанной крепости.

Он легко догоняет меня, подстраивая свой бег под мой неспешный темп.

– Я Лимар, а ты? – его голос ровный, дыхание спокойное. Видно, что бег дается ему легко.

– Джоан... – выдыхаю я, экономя кислород.

– Неплохо бегаешь, Джоан, – он снова улыбается, и в его глазах вспыхивает добрый огонек. Он легко подмигивает мне, а затем, словно фехтовальщик, делающий изящный выпад, чуть ускоряет темп и обходит меня, продолжая бежать энергично.

Я на несколько секунд провожаю взглядом его удаляющуюся спину, стройную и подтянутую в светлой форме, и эти медно-золотистые волосы, сияющие на солнце. Симпатичный молодой человек. Привлекательная, открытая улыбка. После вчерашних ужасов и утреннего напряжения его появление кажется маленьким подарком судьбы.

Но долго задерживаться на этих мыслях нельзя. Я с силой трясую головой, сбрасывая капли воды и остатки рассеянности, и снова сосредотачиваюсь на беге. Теперь дорога обратно. Я глубоко вдыхаю раскаленный воздух, заставляю работать уставшие мышцы и снова погружаюсь в ритм, заставляя себя думать только о одном шаге, потом о другом, отсекая все лишнее. Все мои оставшиеся силы должны быть направлены на одну-единственную цель – добежать.

В крепости, на том же песчаном плацу, нас уже поджидает куратор. Стоя на небольшом возвышении, он безразличным, натренированным голосом объявляет прибегающим, запыхавшимся участникам:

– После завтрака – общий сбор здесь. Опоздавших ждет дополнительный круг на пустоши. Всё понятно?

Угроза звучит более чем убедительно. Я, еще не до конца отдышавшись, примыкаю к группе участников, которые, казалось, знают, куда идти. Поток людей увлекает меня за собой, и мы входим в то самое приземистое здание, напоминающее небольшой замок.

Внутри царит полумрак. Высокие сводчатые потолки поглощают свет, исходящий от все тех же магических сфер, закрепленных на стенах. Воздух густой, пропитанный запахом еды, пота и влажного камня. Уже немало народа сидит за длинными, грубо сколоченными деревянными столами и молча, с сосредоточенным видом, ест.

Я, следуя примеру других, беру с краешка стола простые, но прочные столовые приборы – ложку и нож из тусклого металла – и присоединяюсь к очереди у раздачи. Повар, могучий детина с засученными рукавами, без слов накладывает в мою миску густую, дымящуюся кашу неопределенного землянисто-серого цвета. Затем я получаю еще и небольшую деревянную дощечку с едой: плотную, темную булку, кружку с горячим, дымящимся коктейлем, пахнущим чем-то отдаленно похожим на какао, но с горьковатым травяным послевкусием, внушительный кусок бледно-желтого сыра и румяное, идеальное яблоко.

«Неплохо, – с прохладным удовлетворением думаю я, – особенно после той пробежки».

Я нахожу свободное место за одним из столов и устраиваюсь, с наслаждением пробуя горячую кашу. Она оказывается на удивление сытной, с привкусом какого-то корнеплода и специй.

Вскоре свободные места рядом со мной занимают несколько девушек, явно моложе меня. Они болтают без умолку, их голоса звонко разносятся под каменными сводами. Я погружаюсь в роль незаметной слушательницы, продолжая есть и впитывая обрывки их разговора.

– А у тебя какая магия? – щебетают одна из них, девушка с двумя длинными светлыми косичками и парой веснушек на носу. Ее голос высокий и пронзительный.

– Смотри... – отвечает ей другая, та, что постарше и с более дерзким, вызывающим тоном. Ее голос низковатый, с легкой хрипотцой, выдающей уверенность в себе.

Я невольно поднимаю взгляд, как и другие соседи по столу. Дерзкая девушка концентрируется на секунду, и на ее ладони вспыхивает маленький, яркий язычок пламени. Он танцует, отражаясь в ее глазах, и я чувствую исходящий от него жар.

– Огонь, круто! – восхищенно восклицает третий голос, принадлежащий хрупкой на вид брюнетке.

– Только магия огня? – с неподдельным, жадным интересом переспрашивает четвертая девушка, с острым, любопытным лицом.

– Да... – отвечает пиромантка, и в ее голосе снова слышна та самая надменность, гордость за свою силу. – Но надеюсь, испытания пробудят и другие стихии.

– Да, я тоже надеюсь, что кроме воздуха, у меня еще что-то есть... – оживленно и чуть мечтательно подхватывает первая девушка с косичками, и их разговор перетекает в обсуждение возможностей и предстоящих испытаний.

А я сижу, медленно пережевывая кусок сыра, и чувствую, как в груди сжимается холодный, тяжелый камень. Огонь. Воздух. У каждой из них, у этих юных, восторженных девушек, есть дар, сила, козырь в предстоящей борьбе. А у меня... У меня есть только ноги, которые умеют бежать, и голова, полная вопросов. И этого, как я с ужасом понимаю, может оказаться катастрофически мало.

Собрав свою посуду, я с чувством выполненного долга направляюсь к столу для грязной посуды. В голове роятся тревожные мысли о магии, испытаниях и собственном бессилии. Я так углубилась в себя, что, резко развернувшись, с размаху врезаюсь во что-то твердое. Послышался грохот, звон металла, и по каменному полу разливается липкая каша, разлетаются куски сыра и хлеба.

У меня перехватывает дыхание. «Господи, что же я наделала!» – проносится в голове. Я тут же присела, растерянно пытаюсь собрать рассыпавшиеся продукты и бормочу: «Простите, я нечаянно, я не посмотрела...»

Но мои извинения повисают в воздухе, перекрываемые хриплым, яростным криком:

– Ты че, курица слепая?! Меня без завтрака оставила! Какого хрена не смотришь куда прешь!

Я медленно выпрямляюсь, оставив еду на полу. Передо мной стоит молодой парень, накачанный, с бритой головой и лицом, искаженным злобой. Он смотрит на меня с таким немым презрением, будто я букашка, которую вот-вот раздавят.

Внутри все холодеет, а затем вспыхивает. Да, я виновата. Но это была случайность! Нелепая, досадная оплошность.

– Я извинилась, – проговариваю я, и мой голос звучит тихо, но твердо. Я смотрю ему прямо в глаза, не отводя взгляда, не ожидая такой ужасной агрессии из-за пустяка.

– Мало ли что ты там бляяла! – он фыркает, и его лицо становится еще злее. – Давай деньги на еду. Новенькая, да? Сразу правила учить будем.

Возмущение комом подкатывает к горлу. Деньги? В этом мире, где я нищего гроша не стою?

– Я же извинилась, – повторяю я, уже сквозь зубы, чувствуя, как по спине бегут мурашки ярости.

Я делаю шаг, чтобы уйти, но его рука, цепкая и грубая, впивается мне в локоть, резко дергая на себя. Я вижу его злобное, удивленное лицо. Слышу его хриплый выкрик:

– Куда, сучка!

В тот миг что-то во мне щелкает. Не думая. Срабатывает инстинкт, выкованный годами тренировок и опасной работы. Мое тело действует само.

Я резко вырываю руку на себя, высвобождаясь из его хватки. Второй рукой я хватаю пустой металлический поднос, валявшийся на столе. Время замедляется.

Все чувства – страх, унижение, ярость – спрессовываются в один ослепляющий импульс. Я с силой, вкладывая в удар всю тяжесть подноса и всю свою накопленную злость, ударяю его по лицу. Глухой, сочный звук удара плоского металла по плоти оглушительно звучит в зале.

Он ахает, отшатывается, но не падает. Его глаза округляются от шока и боли. Но я уже не останавливалась. Он тут же хватается за плечи двумя руками. Толкает. Не сильно, но резко. Теперь замахивается для удара. На тренировках меня учили добивать, если противник опасен. А он был опасен. Я тут же, почти в том же движении, наношу резкий, прямой удар коленом в живот. Он складывается пополам с булькающим стоном. И прежде чем он успевает опомниться, я хватаю его за затылок и с размаху, со всей своей невеликой, но отточенной силой, ударяю его лицом о твердую столешницу.

Раздается отвратительный глухой удар. Он оседает на пол, зажимая окровавленный нос.

В зале воцаряется мертвая тишина. Все завтракающие смотрят на нас с открытыми ртами.

Я стою, тяжело дыша, вся дрожа от выброса адреналина. Рука, державшая поднос, ноет. Внутри все горит. Это была не просто драка. Это был выплеск всей моей накопленной беспомощности, страха и ярости на этот несправедливый мир.

Он приходит в себя быстрее, чем я ожидала. С рыком, полным ненависти, он пытается подняться и броситься на меня. Но между нами внезапно возникает другая фигура.

– Хватит!

Это оказывается Лимар. Он решительно толкает того парня в грудь, отбрасывая его назад.

– Еда здесь бесплатная, ты ее не покупал, чтобы требовать деньги, – его голос спокоен, но в нем слышится сталь. – Успокойся, Алекс. Возьми себя в руки, пока тебя не выгнали с Игр до их начала.

Лимар поворачивается ко мне. Его ранее беззаботное лицо теперь серьезное, а взгляд – оценивающий и чуть встревоженный.

– Ты как? – тихо спрашивает он.

Я все еще не могу нормально говорить. Грудь вздымается, в висках стучит. Я лишь молча, резко пожимаю плечами, показывая, что все в порядке. Хотя внутри все перевернуто с ног на голову.

– Пойдем на площадь, – говорит Лимар, кивком показывая на дверь. – Сбор скоро начнется.

И мы выходим из здания вместе с ним. Я иду, сжимая кулаки, все еще чувствуя на своей коже прикосновение грубых пальцев и отдачу от удара подносом. Я не хотела драться. Но я также поняла одну важную вещь: в этом мире, даже без магии, отступить нельзя. Ни на шаг.

Главная площадь, еще утром бывшая местом суровой тренировки, теперь преобразилась. Она гудела, как растревоженный улей. Участники Игр, все в своих белых и темных формах, тесным кольцом обступили небольшую деревянную платформу, возведенную посередине. Но что куда удивительнее – на самих массивных стенах крепости, на башнях и галереях, собирается народ. Горожане, торговцы, ремесленники, женщины с детьми – они занимали лучшие места, чтобы наблюдать сверху.

Воздух вибрирует от приглушенного гула сотен голосов, смешанного с осязаемым предвкушением зрелища. Для них это развлечение. Для нас – возможно, начало конца.

Нервы мои натянуты, как струны. Каждый мускул дрожит от напряжения, а внутри все сжимается в ледяной, тяжелый ком. Я едва сдерживаю дрожь в руках, спрятанных в карманах брюк.

– Я так понимаю, сегодня и начинаются эти... испытания? – тихо спрашиваю я у Лимара, стоявшего рядом. Мой голос звучит чуть хрипло.

– Да, – коротко кивает он, его взгляд прикован к сцене. Его лицо хмурое, а губы сжаты в тонкую линию. «Он тоже боится», – со странным облегчением думаю я.

По крайней мере, я была не одна в своем парализующем страхе. Я места себе не нахожу, мысленно проигрывая самые страшные сценарии. Вылететь в первый же день, потерять шанс на возвращение домой.. И это еще не самое худшее. Теперь у меня был личный враг – тот самый Алекс, чье лицо, искаженное ненавистью, стоит у меня перед глазами. Я не сомневаюсь ни на секунду, что он не оставит того унижения, что я ему нанесла, отвесив ему подносом по физиономии. Мысли о возможной мести отравляют и без того горькое ожидание.

Мы с Лимаром вливаемся в толпу участников, стараясь пробраться поближе, чтобы хоть что-то разглядеть. Платформа, которой утром еще не было, теперь возвышается над нами. И на ней стоит... объект. Прямоугольный, выше человеческого роста, он полностью скрыт под черным, тяжелым покрывалом, ниспадавшим складками до самого настила. Он излучает зловещую, немую таинственность, притягивая взгляды и рождая шепотки в толпе. Что это? Врата? Артефакт? Орудие испытания?

Я перевожу взгляд левее. Там, у подножия одной из башен, установлены небольшие, но явно почетные трибуны. На них, восседая на резных креслах, сидят несколько человек. Их одежды выделяются богатством и красотой даже на расстоянии – расшитые мантии, доспехи с инкрустацией, изящные платья. Их позы полны спокойного достоинства и власти. Это те, кто дергает за ниточки – главы города, организаторы этих Игр, вершители наших судеб. Они смотрят на нас, собравшихся на площади, как скотоводы на стадо, готовое к отбору. От их бесстрастных взглядов по коже пробегают мурашки. Сегодняшний день покажет, стану ли я жертвой... или выживу.

Толпа участников сгущается, образуя плотное, дышащее единым нервным напряжением кольцо вокруг каменной платформы. Я стою среди них, ощущая вибрацию этого коллективного ожидания. Воздух густой от адреналина, исходящего от двух сотен тел. Я разглядываю лица – кто-то бледен, кто-то, наоборот, пылает лихорадочным румянцем, кусая губы или бегая глазами по сторонам. У многих на лицах читается возбуждение, почти праздничное, смешанное с тревогой. Сверху, с трибун и стен, на нас смотрят сотни глаз горожан – в их взглядах любопытство, азарт, холодный расчет. Это двойное давление – от равных и от наблюдателей – создает невыносимое чувство неловкости, будто я стою под микроскопом, обнаженная и беспомощная.

И тут я чувствую это с правой стороны – не физическое прикосновение, а странное, тяжелое давление внимания. Мое тело откликается на него прежде, чем успеваешь сработать разум, легким вздрагиванием. Я медленно поворачиваю голову.

Лётар стоит в нескольких метрах от меня, немного в стороне от общей толпы. Он совершенно неподвижен, будто высечен из того же темного камня, что и башни. Его руки скрещены на груди, а взгляд, холодный и неотрывный, прикован ко мне. В его глазах нет ничего, кроме привычной, ледящей надменности. Он изучает меня, как редкий, досадный экземпляр насекомого, и в этом взгляде нету ни тени того изумления или злобного интереса, что были вчера. Только абсолютное, всепоглощающее высокомерие.

От этого взгляда по спине пробегают мурашки, и я чувствую прилив глупой, жгучей неловкости, будто меня застали за чем-то постыдным. Я резко, почти грубо, отвожу глаза, заставив себя сосредоточиться происходящим на платформе, стараясь вытеснить образ его ледяного лица.

Как раз в этот момент на платформу поднимаются двое мужчин. Первый живой, энергичен, одет в безупречный костюм ослепительно белого цвета, сшитый из материала, который на свету мягко переливается, словно шелк, смешанный с жемчужной крошкой. Он улыбается

широкой, профессиональной улыбкой, обращенной и к нам, и к трибунам, и жестом собирает внимание. Ведущий. Шоумен от этого кровавого цирка.

Второй. . . Второй – полная его противоположность. Он стар, очень стар. Длинные седые волосы и такая же окладистая борода, белые как снег, делают его похожим на сказочного мудреца или. . . да, на того самого деда, что приносит подарки. Но в этом сходстве нет ничего уютного. Его лицо под этой сединой строгое, изборожденное глубокими морщинами, а глаза, скрытые в их тени, светятся холодным, пронизательным интеллектом. На нем длинная, до самого пола, мантия светлого, почти серебристого оттенка, а под ней угадывается строгий костюм глубокого, почти черного цвета с таинственными переливами темного индиго. В его руке посох из темного, отполированного дерева, увенчанный крупным, мерцающим изнутри молочным кристаллом.

Он не улыбается. Он просто стоит, опираясь на посох, и его молчаливое присутствие на платформе кажется весомее всех громких слов ведущего. Это не шоумен. Это судья. Или палач.

Мужчина в ослепительно белом костюме шагает вперед, его голос, усиленный каким-то незаметным заклинанием или устройством, зазвучал чисто и громко, разносясь по всей площади и взмывая к самым стенам.

– Добро пожаловать, участники Священных Игр! – начал он с театральным размахом. – Приветствую вас от имени Совета Света и всего нашего славного королевства! Сегодня начинается путь, который может изменить вашу судьбу. . . и судьбу всех нас!

Он изложил официальный регламент, четко и методично, словно зачитывал устав. Три дня. Три дня испытаний, которые начнутся сегодня же. Вечерами – обязательные тренировки и инструктаж. А на четвертый день, если все пойдет по плану, откроются легендарные Врата в Поднебесный Город Богов – место, куда ступала нога лишь избранных за последние столетия.

– Победитель, – его голос зазвучал торжественно, – тот, кто первым достигнет цели в Городе Богов, получит Дар. Силу, знание, богатство, титул. . . – он сделал многозначительную паузу, давая нам прочувствовать сладость этого «любого». – А все участники, которые сумеют войти в Город Богов и вернуться оттуда живыми, получают почетные должности на службе королевства. Ваши таланты не пропадут даром!

Затем он с почтительным поклоном отступает в сторону, уступая место старшему. Тот делает шаг вперед, и его фигура, кажется, вбирает в себя все внимание площади. Когда он заговаривает, его голос поражает меня. Он не хриплый или дребезжащий, как можно было ожидать от столь почтенного возраста. Напротив, голос низкий, бархатный, полный невероятной внутренней силы и авторитета. Он резонирует в груди, заставляя слушать, не отрываясь.

– Я рад приветствовать всех вас, – произносит он и делает небольшую, выверенную паузу, позволяя тишине стать еще глубже. – В этом году, как никогда, нас собралось много. Практически из всех городов нашего королевства. И из королевств и федерации из за моря. Я вижу среди вас адептов академии магии, отпрысков знатных родов, самоучек, чей талант пробился сквозь тернии. . . – его взгляд, тяжелый и всевидящий, медленно скользит по толпе, и мне на мгновение кажется, что он останавливается именно на мне. – Я лелею надежду, что среди вас находится тот самый участник. Тот Воин Света. Тот маг, чья воля и сила, помимо личной победы, принесут нам то, в чем мы так отчаянно нуждаемся – Оружие Света. Источник Чистой Магии, который поможет нам навсегда сломить хребет армии нежити, что из вражеского королевства.

Он снова замолкает, и эта тишина громче любых слов. В ней слышится дыхание двухсот участников, затаивших дыхание, и шепот тысяч зрителей на стенах. Все замирают, внимая каждому его слову.

– Поэтому, – продолжает старец, и в его голосе впервые звучит стальная, неумолимая нота, – в связи с чрезвычайной военной обстановкой и этой тысячелетней враждой с престолом Кровавых Гор, Совет ужесточает отбор в этом году. Вы все знаете легенды. Многие, слишком

многие из тех, кто входил в Поднебесье, не возвращались. Их жизни поглощал туман между мирами, или они становились жертвами... испытаний самих Богов, – он дает этим словам повиснуть в воздухе, наполненным невысказанной угрозой. – Мы не намерены тратить жизни наших молодых, многообещающих защитников, будущих достойных подданных королевства, напрасно. Нынешние испытания призваны не просто проверить вашу магию или удаль. Они покажут, есть ли в вас та искра, та стойкость духа и чистота намерений, которая позволит вам не просто войти в Город Богов, но и пройти через него к самому Храму Огня. Именно там, в самом сердце небесной твердыни, и покоится Магический Источник. Тот, кто до него доберется... изменит историю.

Его слова повисают в воздухе, тяжелые и безвозвратные, как приговор. Это был уже не красивый миф о награде. Это был ультиматум. Или ты – оружие, или ты – расходный материал.

Мужчина в серебристой мантии медленно, с достоинством, сходит с платформы, его фигура растворяется в тени трибун. Эстафету снова принимает ведущий в белом. Его лицо теперь лишено праздничной улыбки, на смену ей пришла деловая серьезность.

– Первое испытание, – провозглашает он, и его голос прорезает наступившую напряженную тишину, – покажет, есть ли у вас достаточно внутренней силы. Достаточно магического резервуара. Без него... вы просто не сможете выдержать давление частот в Поднебесье. Ваше сознание распадется, тело не вынесет нагрузки. Всё просто: вам нужно продержаться внутри этого устройства.

Он резким, театральным жестом срывает черное покрывало. Под ним открывается не ящик, а скорее каркас – ажурная конструкция из темного, отливающего металлом дерева или сплава, образующая куб чуть выше человеческого роста. На пересечениях рамок закреплены камни – не драгоценности, а тусклые, неровные обломки, которые теперь начинали слабо пульсировать изнутри тусклым, неравномерным светом. Но самое жуткое было внутри конструкции. Там висят, словно в паутине, сгустки энергии. Они не статичны – они медленно вращаются, перетекают друг в друга, меняя цвет от грязно-лилового до болезненно-зеленого. Это магия. Не инструмент, не заклинание, а живая, дикая, необузданная сила, заключенная в клетку. От нее исходит едва уловимое гудение, которое отзывается дрожью в зубах.

По толпе пробегает гул – не возмущения, а скорее шока и внезапно осознанного страха. Судя по реакции, для всех это стало сюрпризом. Это не абстрактный тест. Это попытка чистой энергией. Я вижу, как побледнели даже самые уверенные лица. Спустя несколько минут неловкого молчания и нервных переглядываний, несколько фигур отделяются от общего строя. Двое, потом еще трое. Они, не глядя по сторонам, быстрым шагом направились к башням, их плечи ссутулены под грузом стыда или облегчения. Они выбывают. Добровольно.

У меня к горлу подступает горячий, соленый ком. Дышать становится трудно. Мои ноги, кажется, вросли в каменную плиту площади. Я не могу сделать ни шага назад, как те отступники, но и шаг вперед кажется прыжком в пропасть. Сердце колотится так бешено, что его стук отдается в висках глухими, болезненными ударами, заглушая даже гул устройства.

Ведущий развернул свиток и начал вызывать участников по одному. Не по алфавиту. По дате поступления. Мучительная отсрочка.

Первым поднимается на платформу молодой парень, лет двадцати. Он заходит в каркас, стараясь не смотреть на пульсирующие внутри сгустки. Ведущий переворачивает большие песочные часы, закрепленные на стойке рядом. Песок начинает неумолимо сыпаться.

Парень напрягся, сжал кулаки. Проходит несколько секунд. Потом его тело начинает дергаться, как в ознобе. Судороги становятся все сильнее. Он не выдерживает и, пяясь, вываливается из куба, едва не упав с платформы, когда песок еще не успел перетечь и наполовину.

– Не прошел, – безжалостно объявляет ведущий. – Но не отчаивайтесь! Возможно, ваша магия не пробудилась ещё.

Ропот в толпе становится громче, в нем теперь явственно слышится тревога.

Следующей вызывают девушку, спортивного телосложения, лет восемнадцати. Она входит смелее, решительно сжимает зубы. Ее тоже начинает колбасить, но она сопротивляется, прикусив губу до крови. Время текло. Песок в часах переваливает за половину. Надежда теплилась... И тут я, стоявшая близко к платформе, замечаю то, что, возможно, не видят другие. В ее широко открытых, полных боли глазах начинают лопаться мельчайшие сосуды. Алая сеточка поплыла по белкам. Она не продерживается до конца. С глухим стоном она падает на колени и выползает из каркаса на четвереньках. Из ее носа и ушей тонкими струйками сочится алая кровь, кадая на белый камень платформы. Она теряет сознание и к ней тут же побегают двое в светлом. От Лимара узнаю, что это целители. И в этом городе в основном магия целителей.

Тишина после этого оглушительная. Но не тишина шока – тишина леденящего, животного ужаса, что проходится по толпе, сжимая глотки и останавливая сердца. Испытание не просто отсеивало слабых. Оно калечило.

Я вижу, как еще с десятков участников, не дожидаясь своей очереди, разворачиваются и направляются к выходу с площади. Их лица искажены паникой. У меня же нет даже этого выбора. Бежать было некуда.

Вскоре очередь доходит до Лимара. Я внутренне сжимаюсь, неосознанно желая ему удачи. К этому открытому, симпатичному парню за короткое время у меня успела возникнуть капля симпатии и надежды, что хоть кто-то из «нормальных» здесь пройдет.

Его вызывают. Лимар с глубоким, собранным вдохом поднимается на платформу. Его лицо серьезное, но без тени страха. Он шагает внутрь каркаса, и его медные волосы будто вспыхивают в отблесках пульсирующей энергии. Он закрывает глаза, сосредоточившись.

Песок потек. Проходит несколько секунд. Ничего. Его тело остается неподвижным, как изваяние. Минута. Он даже не дрогнул. Кажется, дикая магия внутри устройства просто обтекает его, не причиняя вреда. Когда песок полностью пересыпался, он открывает глаза, и на его лице расплывается привычная, чуть дерзкая улыбка. Он выходит из куба под одобрительный, облегченный гул толпы. Он прошел.

И этот его успех становится для меня последней каплей. Контраст был слишком ярким. У них – сила, стойкость, магия. У меня – ничего. Только страх и неминуемое позорное изгнание, если не хуже – кровь из ушей, как у той девушки. Разум, заглушая голос отчаяния, ясно сигналил: беги. Пока не поздно. Пока не назвали твое имя и не выставили на всеобщее осмеяние и жалость.

Решение созревает мгновенно. Я, не глядя по сторонам, резко разворачиваюсь и шагаю прочь от платформы, к темной громаде башен-общежитий. Мне нужно уйти, спрятаться, обдумать что-то, хоть что-то...

Я иду, уткнувшись взглядом в камни под ногами, стараясь быть незаметной. И почти наткнувшись на него. Лотар стоит на моем пути, в толпе. Я пытаюсь резко свернуть, обойти его, сделать вид, что не замечаю. Но не успеваю сделать и двух шагов, как его рука, быстрая и неумолимая, как удав, хватается меня за запястье и с силой притягивает к себе. Я вскрикиваю от неожиданности, потеряв равновесие, и оказываюсь прижатой к его твердой, негнушейся груди.

Я резко поднимаю голову, и мой взгляд снова тонет в его холодных, бездонных серых глазах. Его лицо, безупречное и опасно красивое, так близко, что я чувствую его дыхание.

– Куда собралась? – шипит он. Его голос низкий, тихий, но каждое слово вонзается в сознание, как ледяная игла. Его хватка на моем запястье железная, а свободной рукой он прижимает меня к себе так, что трудно дышать. Я делаю шаг назад.

– Сам знаешь, куда, – выдыхаю я, пытаюсь вырваться. Мне удастся высвободить руку, и я, отпрянув, продолжаю путь к башне, к своей комнате, к иллюзии безопасности.

Мне нужно просто подумать. Обдумать следующий шаг. Может... Может, есть другой способ? Может, как-нибудь просочиться в Город Богов без этих испытаний? Бред. Но лучше любая призрачная надежда, чем эта гарантированная публичная казнь. Может...

Но я не успеваю даже договорить эту мысль про себя. На узкой винтовой лестнице, в полумраке между этажами, тень отделилась от стены. Меня снова, с еще большей силой, резко разворачивают и вдавливают спиной в холодный, шершавый камень. Воздух вырывается из легких.

И опять он. Лотар. Его тело прижимает меня к стене, не оставляя ни сантиметра для бегства. Его лицо так близко, что я вижу мельчайшие детали: длинные темные ресницы, идеальную линию бровей, легкую тень на щеке. Но больше всего – его взгляд. Всепоглощающий, тяжелый, полный невысказанной угрозы и... чего-то еще, что заставляет мою кровь бежать быстрее.

Мое тело отзывается на это пленение странной, противоречивой реакцией. От страха и ярости по конечностям пробегают ледяные мурашки, но в то же время в груди вспыхивает жар, разливаясь по всему телу. Сердце забилося с бешеной частотой, словно пытаюсь вырваться из клетки. Его присутствие, его прикосновение – даже такое агрессивное – вызывает не только ужас, но и какую-то темную, запретную вибрацию глубоко внутри, от которой кружится голова и слабеют колени. Это невыносимо и... пленяюще.

– Могу помочь, – произносит он. Его голос звучит не как предложение, а как констатация факта, холодная и неопровержимая. Он внимательно, почти гипнотизирующе, смотрит мне в глаза, и в его взгляде нет и тени сомнения. – Моя кровь – сильная магия. Я дам ее тебе. Внутри тебя появится магический след.

Мой разум, еще секунду назад кипящий от паники, на миг замирает в полном шоке. Помочь? Ему? Зачем?

– А... взамен? – вырывается у меня хриплый шепот. Я уставилась на него, не в силах понять этот внезапный поворот.

– Взамен – твоя, – его голос становится вкрадчивым, бархатным, словно змеиное шипение. Уголки его рта вздергиваются в той самой наглой, самоуверенной улыбке, от которой кровь стынет в жилах и... странным образом бурлит. – Баланс, и все такое, – он делает легкое движение, будто отстраняется, давая мне пространство, но его взгляд по-прежнему прикован ко мне, полный насмешливого любопытства, словно он наблюдает за интересным экспериментом.

В голове проносятся обрывки мыслей. Это безумие. Ловушка. Но что у меня есть? Только гарантированный провал и позор. А это... это шанс. Грязный, опасный, от дьявола. Но шанс.

– Давай... Хорошо, – соглашаюсь я, и слова вылетают слишком быстро, почти отчаянно, прежде чем страх успеет их остановить.

Он медленно, не отрывая этого всевидящего, наглого взгляда от моих глаз, другой рукой достает из скрытого ножа тонкий, изящный кинжал с темным лезвием. Без тени колебания он проводит острием по собственной ладони. Темная, почти черная в полумраке лестницы, кровь тут же выступает на порезе, сверкая густой каплей.

Лотар приближает свою ладонь к моим губам. Я, словно под гипнозом, не в силах отвести взгляд от его серых глаз, которые кажутся теперь бездонными колодцами. Он так близко. Его зрачки расширяются, поглощая радужку, и в этих глазах, полных тайн и обещаний, можно действительно заблудиться, утонуть, потерять себя. И когда я, повинувшись какому-то древнему, темному инстинкту, прикасаюсь губами к его ране и делаю первый глоток, я теряюсь.

Вкус... Это не просто медь и соль. Это похоже на глоток темного, крепкого вина, смешанного с молнией. Его кровь обжигает губы, язык, горло. И затем по моему телу пробегает волна невероятных ощущений. Тысячи крошечных электрических разрядов пронзают каждую клетку, от кончиков пальцев ног до макушки. Это не боль. Это... неопишуемая эйфория. Чувство невероятной силы, жизненной энергии, темной и сладкой, вливается в меня. Я слышу собственный стон, приглушенный, полный не узнаваемого ранее наслаждения.

Возбуждение, острое и всепоглощающее, смывает остатки страха и разума. Я жадно, почти животной, прижимаюсь губами к его ладони, высасывая магический нектар, который рас-

текается по венам жидким огнем. Я больше не могу выдерживать интенсивность его взгляда. Я закрываю свои глаза, погружаясь в пучину чистого, темного блаженства, которое он мне дарит. Мир сужается до вкуса его крови, до жгучих разрядов в теле, до всепоглощающего чувства, что я таю, растворяюсь, становлюсь частью этой опасной, невероятной силы.

Лотар медленно, почти нежно, начал отстранять свою ладонь от моих губ. Его вторая рука, которая все это время придерживала мое лицо, не отдернулась резко, а мягко проводит по моей щеке, прежде чем отпустить. Было ли это действительно мягкостью, или мне просто померещилось в этом одурманивающем помутнении сознания, вызванном его кровью? Я не могла понять. В его глазах, все еще прикованных к моим, пляшут странные искры – не холодная насмешка, а что-то напряженное, почти лихорадочное.

– Всё... Иди, – шепчет он. Его голос звучит непривычно тихо и низко, хрипловато от натянутых струн какого-то внутреннего напряжения. Его взгляд бегаёт по моему лицу, задерживаясь на губах, с которых еще не сошла алая капля, потом снова возвращаясь к моим глазам – возбужденно, жадно, как будто он сам был ошеломлен происшедшим.

Я, нехотя, словно отрываясь от источника жизни, отодвигаюсь от него. Мои ноги ватные, голова легкая. Я спускаюсь вниз по лестнице, возвращаясь на площадь, но мир вокруг кажется иным – более четким, ярким, наполненным скрытыми вибрациями.

Я иду сквозь толпу, нащупывая языком привкус его крови на губах – сладковато-медный, с оттенком пряной горечи и той самой электрической искры. И чувствую этот невероятный подъем во всем теле. Адреналин и эйфория смешались в один мощный коктейль. Мне кажется, я смогу пробежать до реки и обратно еще два раза без усталости, смогу свернуть горы, смогу все. Сила, теплая и темная, переливается во мне, наполняя каждую клетку уверенностью, которой не было еще пять минут назад.

Но сквозь этот хмельной туман пробивался холодный луч разума. Как я могу доверять Лотару? Что это за сделка? Даже если его кровь и правда несет в себе магию, что она сделает со мной? Какая цена? Мысль о том, что я только что выпила кровь незнакомого, опасного мужчины в темном уголке, заставила меня содрогнуться. И поможет ли это вообще? Или я просто обманула себя, приняв временный прилив сил за реальную магическую мощь?

Беспокойство, липкое и тревожное, стало нарастать, вытесняя эйфорию. Особенно когда я увидела, как из каркаса вытащили очередного участника – парня, который был без сознания, его тело обмякшее, лицо белое как мел. Его просто пронесли мимо, к выходу с площади. Реальность испытаний снова нависла надо мной тяжелой, ледяной глыбой.

Но затем, глубоко внутри, я ощущаю это снова – то самое волшебное, живое тепло, разлившееся от выпитой крови. Оно пульсирует где-то в центре груди, слабое, но неоспоримо настоящее. Это ощущение, это странное внутреннее свечение дает крошечную, хрупкую надежду. Может быть... просто может быть...

Тут на платформу вызывают следующую участницу. Это та самая девушка, что сидела за завтраком и хвасталась магией огня. Ее объявили как Анжелину. Она выходит вперед – высокая, стройная, с осанкой принцессы. Ее огненные, почти алые волосы затянуты в высокий, тугой хвост, который покачивается при каждом шаге. Ее лицо симпатичное, хотя и с резкими, волевыми чертами – высокие скулы, прямой нос, решительный подбородок. Губы ярко накрашены дерзкой фиолетовой помадой, что резко контрастировало с бледностью ее кожи.

С видом полного превосходства она величаво зашагала внутрь магического каркаса. Но стоило энергии сгустков сомкнуться вокруг нее, как ее гордая осанка дрогнула. Стало видно, как ей некомфортно. Ее тело напряглось, пальцы вцепились в складки формы. Она не дергается, как другие, но по лицу видно, как она борется, сжимая зубы, чтобы не закричать. Когда песок в часах, наконец, пересыпался, она выходит оттуда не стремительно, а медленно, делая усилие, чтобы ее шаги оставались ровными. На ее лбу выступили капли пота, но она подни-

мает голову и сходит с платформы с тем же гордым, почти презрительным выражением, будто только что одержала великую победу. Она прошла. Но борьба была написана у нее на лице.

После Анжелины на платформу поднимается мужчина, чья сама фигура воплощает грубую силу. Он выглядит могучим, как лев: широкие плечи, мощная шея, руки, на которых играют рельефные мышцы даже под формой. Его лицо обрамляет густая, рыжевато-каштановая борода, а такие же густые волосы собраны в небрежный пучок. Он входит в пространство каркаса не просто спокойно – он вошел, как хозяин, вступающий во владение.

И случилось невероятное. Время истекло, песок пересыпался, а он не вышел. Он продолжает стоять. Но что поразительно – дикая, хаотичная энергия внутри каркаса, которая до этого всех колотила и ломала, вокруг него... изменилась. Она не атаковала его. Она словно успокоилась, замедлила свой бешеный танец, а затем и вовсе начала течь плавно, обтекая его фигуру, словно вода обтекает камень. Постепенно пульсация и вовсе затихла, сгустки энергии как будто растворились в воздухе, нейтрализованные его безмолвным присутствием. Я замечаю, как старец встает на своей трибуне и замирает, наблюдая.

Участник выходит только тогда, когда ведущий, опешив, дает ему знак.

На площади на секунду воцаряется полная тишина, а затем взрывается оглушительными овациями. Вот он – явный фаворит. Потенциальный победитель с магией такой мощи, что он мог умирять саму стихию. После него организаторы на минуту задерживаются, что-то поправляя в камнях каркаса, видимо, восстанавливая его работу. Внутри снова закружилась знакомая агрессивная энергия.

Я шепотом спрашиваю у Лимара про Алекса. Тот, поморщившись, кивает: «Прошел, к сожалению». Моя кровь на мгновение холодеет.

Дальше идут другие. Кто-то с трудом, но выдерживает. У кого-то потенциал был виден невооруженным глазом – они не просто терпели, а как будто впитывали часть энергии. А кто-то падал, терял сознание, истекал кровью. К моменту, когда осталось меньше половины от начального числа, воздух был пропитан смесью торжества, разочарования и страха.

И тогда я услышала свое имя. «Джоан Арден».

Меня сковывает таким леденящим страхом, что ноги на мгновение становятся ватными. Я иду к платформе как в тумане, не видя лиц, не слыша гула толпы. Каждый шаг отдается в висках гулким эхом. Но прямо перед тем, как переступить порог каркаса, на меня низосходит странное, почти мистическое умиротворение. Бежать некуда. Решение принято. Пусть будет, что будет. Я бросаю последний взгляд на толпу, и мой взгляд натывается на него.

Лотар стоит чуть в стороне, скрестив руки на груди. Его поза расслабленная, но в глазах горит знакомый холодный огонь. Увидев, что я смотрю, он медленно, с преувеличенной театральностью, машет мне пальцами. На его губах играет ироничная, соблазнительная улыбка, которая сейчас вызывает во мне не трепет, а яростное раздражение. «К черту его», – мысленно выругалась я и шагаю внутрь.

Я закрываю глаза, пытаюсь успокоить бешеный ритм сердца. И тут на меня обрушилось. Давление. Не физическое, а ментальное, магическое. Оно вдавливается в череп, сжимает виски, пытается проникнуть в самую сердцевину сознания. Тело сковывает невидимая тяжесть, дышать становится невыносимо трудно, каждый вдох дается с усилием. Я пытаюсь сконцентрироваться на чем-то светлом, добром. На улыбке Лимара. На том, как он заступился за меня. На его дружелюбных, медного цвета глазах...

Но вопреки всем усилиям, в мысли настойчиво врывается другой образ. Губы Лотара. Его холодные, магнетические глаза, смотрящие на меня в полумраке лестницы. Вкус его крови на моем языке, вспыхнувший с новой силой. Ярость, острая и чистая, поднимается во мне – на него, на эту ситуацию, на свою слабость.

И в этот самый миг... давление исчезает. Резко, без перехода. Его сменяет ощущение, от которого у меня перехватывает дыхание. Нежное, легкое поглаживание. Не физическое, а

словно сама магия вокруг изменила свое отношение. Она ласкает мое сознание, обволакивает тело приятной, прохладной волной, успокаивая и укрепляя. Это странно, пугающе... и невероятно приятно. Как будто меня взяли под защиту.

Я открываю глаза, ошеломленная. Песок в часах почти весь пересыпался. Я просто стою, купаюсь в этой аномальной, благожелательной энергии. Когда время истекло, я выхожу, спускаюсь с платформы на шатких ногах, не веря в произошедшее. Это была не победа, это было чудо.

Лимар тут же оказывается рядом, его лицо светится искренней радостью.

– Поздравляю! Я знал, что ты сможешь! – говорит он, хлопая меня по плечу.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но мой взгляд сам собой находит в толпе другую фигуру.

Лотар. Он не аплодирует, не улыбается. Он просто смотрит. Но какой это взгляд! Прожигающий, горячий, полный немого торжества и... чего-то темного, манящего, зовущего. Взгляд, который напоминал без слов: «Это я. Это моя работа. И ты теперь часть этого».

Я чувствую, как по спине пробегает разряд того самого странного возбуждения, что было на лестнице. Медленно, с усилием, я отвожу глаза, заставляя себя смотреть вперед, на оставшихся участников, но его присутствие жгет мне затылок, как клеймо.

После оглашения результатов первого испытания в воздухе повисает глоток горькой свободы, смешанной с новым, более концентрированным страхом. Остается всего шестьдесят три участника. Остальные, понуро опустив головы, расходятся собирать вещи – их путь в Город Богов закончился, едва успев начаться. Мы, оставшиеся, уже более сплоченной, но и более настроенной группой, идем в столовую.

Обед проходит в почти благоговейной тишине. Мы едим, чувствуя на себе тяжелые взгляды тех, кто остался за стенами, и невысказанное напряжение между собой. После сытной трапезы кто-то уходит в комнаты, пытаюсь выкроить час покоя, кто-то небольшими группами направляется в город – в последний раз увидеть обычную жизнь, а кто-то сразу идет на тренировочную площадку. Я присоединяюсь к последним.

Начинается групповая тренировка с мечами. Тот самый куратор, что гонял нас на пробежку, теперь оказывается суровым, но компетентным инструктором. Меч, который он вручает мне, оказывается неожиданно тяжелым, его вес непривычно тянет руку вниз. Но я повторяю все движения – выпад, блок, уклон – с сосредоточенным упорством. Каждая мышца в моем теле кричит от непривычной нагрузки, но внутри растет решимость. Раз уж обучают, значит, эти навыки могут спасти жизнь. Я зарекаюсь остаться после общих занятий, чтобы наработать мышечную память. Сама тренировка, несмотря на боль, приносит странное удовлетворение. Это что-то новое, осязаемое, это укрепление не только тела, но и духа.

Вечером на опустевшей песчаной площадке остаются лишь несколько самых упорных. Я стою в сторонке, снова и снова отрабатываю базовые удары, уже чувствуя, как меч становится чуть послушнее, а мышцы – чуть сильнее. Я уже изрядно вымотана, пот стекает по спине, когда ко мне подходит Лимар. Он только что закончил спарринг с другим парнем, его дыхание ровное, но на лбу тоже блестит испарина.

– Можешь сильно не усердствовать, – говорит он, и в его улыбке нет снисхождения, только легкая, дружеская забота.

Я опускаю меч, опираясь на него, чтобы перевести дух.

– В Город Богов с оружием все равно нельзя, – добавляет он, как будто читая мои мысли о практической пользе.

Я на мгновение задумываюсь, все еще пытаюсь унять дрожь в уставших руках.

– Я думаю, что не просто так нас тренируют, – наконец отвечаю я, решая, что на сегодня с меня действительно хватит, и втыкаю меч в песок. – Это дисциплина. И если придется сражаться до врат... или после.

Он смотрит на меня снизу вверх, его медные глаза в вечерних сумерках кажутся темнее, теплее.

– Какая у тебя стихия, Джоан? – неожиданно спрашивает он, подходя чуть ближе и заглядывая мне в глаза с открытым любопытством.

Я мгновенно теряюсь. Паника, острая и холодная, сжимает горло. Нельзя выдавать себя. Ни за что.

– Вообще-то... она еще не пробудилась, – бормочу я, надеясь, что эта отговорка сработает. Внутри тут же всплывает горькое осознание: первому встречному, Лотару, я выпалила правду – что магии нет. И теперь я прошла первое испытание только благодаря его темной, сомнительной помощи. Обманом. Я резко перевожу разговор:

– А у тебя, Лимар? Чем ты можешь удивить?

Он в ответ делает шаг, сокращая дистанцию до минимума, и кладет руки мне на плечи, чуть ниже ключиц. Его прикосновение уверенное, но не грубое. Я замираю в полном недоумении, глядя на него.

И тут я начинаю чувствовать. Сначала просто тепло, исходящее от его ладоней. Приятное, живое. Затем тепло усиливается, становится ощутимым жаром, который проникает сквозь ткань формы, согревая кожу. Я невольно вздрагиваю и отшатываюсь, вырываясь из его легкой хватки.

– У тебя огонь! – восклицаю я, пораженная.

Лимар лишь улыбается своей открытой, лукавой улыбкой, и в его глазах вспыхивают веселые искорки.

– И не только! – говорит он с таинственным видом.

– А что еще? – спрашиваю я, все еще не веря своим ощущениям и его уверенности.

– Пусть пока останется моей маленькой тайной... – он снова наклоняется, его лицо оказывается так близко к моему, что я чувствую его дыхание и вижу, как солнечные зайчики играют в его глазах. – Может, я хочу тебя удивлять не только сегодня...

Я стою в полном замешательстве, мой разум пытается обработать и его слова, и это внезапное проявление силы, и это... флирт? Это приятно. Неожиданно и смущающе приятно. Он не похож на высокомерного Лотара, он открыт, симпатичен и явно заинтересован.

И тут, как ледяной душ, меня накрывает воспоминание. Долг. Я должна Лотару. И не просто абстрактно «должна» – я связана с ним странным, опасным ритуалом, и у меня куча вопросов, на которые только он может дать ответ. Мысль о необходимости снова видеться с ним, разговаривать, отравляет миг легкого счастья.

– Я... наверное, пойду отдохнуть, пока, Лимар, – говорю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, и отступаю на шаг.

– До завтра, Джоан, – легко отвечает он, и в его взгляде нет обиды, только понимание и та самая, чуть загадочная улыбка.

Я разворачиваюсь и иду прочь от площадки, к темной башне, чувствуя, как за спиной остается тепло его присутствия и обещание чего-то нового, а впереди, в сумраке лестницы, меня ждет холод долга и опасные вопросы.

Пока теплые струи воды смывают с меня пот и пыль тренировочного дня, в голове не стихает хаотичный рой мыслей. Вопросы, которые нельзя задать Лимару, кружатся, как осы, жалящие сознание: что ждет нас на этих Испытаниях? Как устроен этот мир, кроме его войн и магии? Я смотрю в узкое окошко своей кельи. За толстой стеклянной поверхностью лежит безмолвная пустошь, поглощенная ночью. Там, за линией горизонта, в темноте, уже наверняка копошится, собирается та самая нежить, что штурмовала стены. От одной этой мысли по коже бегут мурашки.

Но больше всего меня гложет мысль о Лотаре. О его крови, что сейчас, кажется, все еще пульсирует где-то в глубине моего существа. О моем долге. О той опасной, непонятной связи, что теперь тянется между нами, как паутина. В ожидании неизбежной развязки, в тре-

вожном предчувствии нашей встречи, сон не идет. Я ворочаюсь на жесткой кровати, слушая, как тикают внутренние часы страха и нетерпения.

Когда тени за окном становятся совсем густыми, а по моим расчетам наступает глубокая ночь, я решаюсь. Лучше встретиться сейчас, отдать свой долг, закрыть этот гнетущий вопрос и, может быть, наконец, заснуть. Я тихо открываю дверь. В башне царит гробовая тишина, нарушаемая лишь далеким скрипом дерева и гулом ветра в узких бойницах.

Вчера книге регистрации внизу башни я разглядела номер комнаты Лотара.

Я начинаю подъем.

Лестница кажется бесконечной. Узкая, винтовая, высеченная в толще холодного камня, она уходит вверх в полную темноту. Свет от редких магических сфер, вмурованных в стену, лишь подчеркивает глубину мрака между ними. С каждым витком ноги становятся тяжелее, дыхание сбивается, отдаваясь эхом в каменном колодце. «Как тут вообще живут? – думаю я, уже изрядно выбившись из сил. – Пока поднимешься и спустишься, все силы уйдут. Когда тренироваться? Когда соревноваться?» Эта мысль кажется абсурдной, но в изнеможении она приобретает злую логику.

Наконец, когда мне кажется, что я взбираюсь на самую вершину мира, лестница обрывается перед массивной деревянной дверью. Комната Лотара. Самый верх. Я стою перед ней, запыхавшаяся, с сердцем, колотящимся где-то в горле. Волнение, смешанное с усталостью, сковывает движения. Я собираюсь с духом и стучу. Тихий, но отчетливый звук костяшек о дерево гулко разносится в тишине.

Ничего. Ни шагов, ни голоса.

Я стучу еще раз, чуть сильнее. «Лотар?»

Только эхо отвечает мне, растворяясь в каменной мгле.

Странно. После захода солнца действует комендантский час. Куда он мог деться? Неужели его нет? Разочарование, странное и внезапно острое, смешивается с облегчением и новой порцией тревоги. Где он? Что он делает в такой час?

Силы окончательно покидают меня. От усталости, от нервного напряжения, от этого бессмысленного ночного восхождения. Я, не в силах держаться на ногах, медленно опускаюсь на холодную каменную ступеньку у его двери. Решаю передохнуть, собраться с мыслями перед долгим и утомительным спуском вниз, в свою одинокую, но теперь такую желанную келью. Тишина вокруг сгущается, становясь почти осязаемой, и в ней отчетливо слышно лишь мое собственное, учащенное дыхание.

Вдруг в глубине лестничного колодца, прямо из черной бездны, доносятся четкие, размеренные шаги. Неспешные, уверенные, властные. И вот из тени на последнем витке появляется он сам. Лотар. Он не замедляет шаг, не выражает ни малейшего удивления, увидев меня, сидящую на пороге его комнаты. Он проходит мимо, словно я всего лишь еще один элемент интерьера – статуя или доспехи, – и спокойно направляется к двери.

– Пришла полюбоваться видом сверху? – бросает он через плечо. Его тон вальяжный, холодный, пропитанный привычным безразличием, которое действует на нервы острее любого прямого оскорбления. Он даже не смотрит на меня, отпирая дверь сложным, тихим щелчком.

Я поднимаюсь, чувствуя, как сердце снова начинает колотиться, но уже от другого – от гнева и отчаянной решимости.

– Пришла отдать долг, – отвечаю я, и мой голос звучит нервно, резковато. Внутри теплится слабая надежда, что он пригласит меня войти, что будет разговор, объяснения, ответы...

Он лишь молча, легким движением головы, кивает в сторону распахнутого пространства комнаты и заходит внутрь. Я следую за ним, и мои надежды разбиваются в прах в первые же секунды.

В комнате полумрак и запах горного воздуха и чего-то древесного. Прямо на небольшом столике у входа уже приготовлены предметы: острый, с тонким клинком нож и пустой стеклянный стакан. Он не оборачивается, продолжая снимать с себя темную куртку.

– Вот нож, стакан. И я тебя не задерживаю, – произносит он ровным, безжизненным тоном, будто отдает самую рутинную инструкцию.

Я замираю на мгновение, опешив от такой откровенной, леденящей грубости. Так. Значит, разговора не будет. Вообще никакого. Я – всего лишь обязательство, которое нужно погасить, и больше ничего.

Горечь и ярость поднимаются во мне кислой волной. Со злым, отчаянным психом я хватаю нож. Лезвие холодное и острое. Я, не раздумывая, быстро, почти болезненно, провожу им по ладони. Резкая боль пронзает кожу, и тут же появляется темная, алая полоска. Я подставляю ладонь над стаканом, наблюдая, как первые капли, густые и медленные, падают на дно с тихим, зловещим стуком.

Я поднимаю взгляд на него, всматриваюсь в этого напыщенного, невыносимого парня. А он... Он выглядит так. Совершенно пофигистично. Расслабленно. Опершись о спинку стула, он смотрит куда-то в сторону, и на его лице нет ни напряжения, ни ожидания, ни даже простого любопытства. Он выглядит так, будто только что вернулся откуда-то. Со свидания. Свидания с явным продолжением. Эта мысль, нелепая и обжигающая, заставляет меня внутри сжаться еще сильнее. Раздражение нарастает, превращаясь в тихую, кипящую ярость.

Кровь медленно наполняет стакан. Тишина в комнате становится невыносимой.

– Может, дашь повязку какую-нибудь? – бросаю я ему с недовольным, почти вызывающим видом, когда объем кажется достаточным. Моя ладонь пульсирует болью, и кровь продолжает сочиться.

Он, не отвечая, продолжает раздеваться при мне, как будто я – невидимка или прислуга. Снимает темную майку, обнажая подтянутый, мускулистое торс, и лишь между делом, не глядя, швыряет в мою сторону свернутую хлопковую ленту. Она падает на пол у моих ног.

Я, стиснув зубы, нагибаюсь, чтобы подобрать ее, борясь с нарастающим желанием запустить в него этим стаканом. И в этот момент ловлю себя на странной мысли: почему? Почему я так дико, так иррационально реагирую именно на него? На его высокомерие, на его холодность? Что во всем этом так цепляет меня за живое?

Я уже собираюсь уходить, окончательно уничтоженная и разъяренная, как мой взгляд падает на окно. Оно огромное, от самого пола до потолка, занимает почти всю стену. Меблировка здесь такая же аскетичная, как и у меня, но вид... Вид отсюда открывался не на глухую стену крепости, а на весь спящий город. Я невольно делаю шаг вперед, все еще зажимая раненую ладонь тканью, и замираю, завороженная.

Мы так высоко. Ниже, под нами, расстилается целое море огней – теплый желтый свет из окон домов, холодное сияние магических сфер, трепетное мерцание факелов на улицах. Я вижу причудливые очертания крыш, башенок, темные ленты улиц, пересекающие город. Это место с высоты выглядит не просто великолепным – оно сказочное, нереальное. А звезды... Они здесь такие яркие, такие близкие, будто их можно коснуться рукой, просто протянув ее в темноту за стеклом. Я стою, забыв на мгновение о боли, о злости, о долге, поглощенная этой ослепительной, тихой красотой.

И этот миг безмятежности кто-то безжалостно разрушает.

– Я ложусь спать, Джоан, – его голос звучит прямо у меня за ухом, вкрадчиво и насмешливо. Я вздрагиваю, не заметив, как он так тихо подошел и встал позади. Его дыхание касается моей шеи. – Оставаться ночью у чужого мужчины не прилично. Так что...

Он не договаривает, но смысл ясен. Мне тут не место.

Я медленно, с трудом сохраняя внешнее спокойствие, разворачиваюсь к нему лицом. После всего – после его хамского приема, ледяного равнодушия и теперь вот этого наглого

выпровождения. Мое терпение на пределе. И в этот момент, в скупом свете, падающем из окна, я замечаю на его лице, чуть ниже скулы, маленькое темное пятнышко. Капля. Капля крови, еще свежая, не стертая. Откуда? От моей ладони? Или... от кого-то другого? Мысль мелькает и гаснет, забитая более сильными эмоциями.

Я не придаю ей значения. Просто резко, не говоря больше ни слова, прохожу мимо него, выхожу в темный коридор и захлопываю дверь, оставляя его в его башне со звездами и всеми его отвратительными тайнами.

Утро началось как под копірку: резкий сигнал, пробежка под уже привычно палящим солнцем до темной, быстрой реки. Встреча у воды с Лимаром, его открытая улыбка, короткий, легкий разговор. И странное затишье внутри. Кошмары. Они не приходили ко мне уже вторую ночь подряд. Отсутствие этой леденящей дрожи по пробуждению казалось почти чудом, крошечным островком спокойствия в море хаоса....

После завтрака нас снова собирают на плацу. Суровый наставник, его лицо еще мрачнее обычного, выступает с коротким и жутким объявлением.

– Ночью убит участник. Голди Роуэн.

По толпе проходит сдавленный вздох, шепот ужаса. Роуэн... Это имя я слышала вчера в разговорах. Тот самый могучий парень с бородой, что нейтрализовал магию в каркасе. Потенциальный победитель.

– Расследование ведется, – продолжает наставник, его взгляд, тяжелый как гирия, скользит по нашим лицам. – Всех проверили. По спискам отбоя, все участники были в своих башнях в комендантский час. Значит, убийца – не из ваших рядов.

Не из наших... Эти слова должны успокоить, но они висят в воздухе новой, еще более зловещей угрозой. Если не мы, то кто? Кто может проникнуть за стены и устранить сильнейшего, да еще так, чтобы об этом не узнали стражи?

За завтраком я, почти не притрагиваясь к еде, ловлю обрывки разговоров. Да, это он. Его находят за стеной, в той самой пустоши. Жутко. Кто-то устраняет явного фаворита. Но если не участники... Мозг лихорадочно работает. И тут меня осеняет. «Все были в башнях». Все? А Лотар? Он возвращается глубокой ночью. И эта капля крови на его щеке... Паника, холодная и липкая, заполняет сознание, заставляет сердце бешено колотиться. Но... его же нет в списках отсутствующих. Значит, его «отмечают» как присутствующего? Как?

Я выхожу из столовой, мои мысли путаются, а в животе стоит холодный ком. Не успеваю я сделать и десяти шагов по прохладному коридору, как из тени ниши резко выныривает темная фигура и отводит меня в сторону, в глухой угол. Лотар. Его пальцы впиваются в мое плечо с такой силой, что я чуть не вскрикиваю.

– Мне нужна твоя кровь. Сейчас, – его голос низкий, повелительный, без тени просьбы.

Я вспыхиваю. От его тона, от внезапности, от яркого, унижительного воспоминания о вчерашнем вечере – о ноже, стакане, брошенной повязке и его ледяном пренебрежении. Как будто я – прислуга, которая должна по первому щелчку исполнять его прихоти.

– Мой долг отдан вчера, – отвечаю я, стараюсь говорить ровно, и скрещиваю руки на груди, создавая хоть какую-то преграду.

Его молчание тяжелее крика. Я выдерживаю паузу и спрашиваю, глядя ему прямо в глаза:

– Где ты был ночью?

– Не твое дело, – отрезает он, и в его взгляде мелькает что-то опасное, предупреждающее.

Вспышка ярости ослепляет меня. Мысленно я уже посылаю его куда подальше со всеми его тайнами и требованиями. Я резко разворачиваюсь, намереваясь уйти, оставить его в этом темном углу.

Его рука, быстрая как удар змеи, впивается мне в запястье, останавливая.

– Я не решил, что долг уплачен, – шипит он, и его пальцы сжимаются все сильнее.

Боль и унижение дают мне силу вырваться. Я отпрянываю, пылая от гнева.

– Я решила, – бросаю я ему в лицо, и в моем голосе звучит дерзость, которой сама от себя не ожидаю.

Он замирает. Его лицо, обычно непроницаемое, искажает гримаса холодного вызова. Он изучает меня, будто пересчитывая мои слабости.

– Значит, мне придется осведомлять организаторов, – произносит он медленно, растягивая слова, – что ты обманщица. Что у тебя нет магии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.